

ИСЧЕЗНУВШІЕ ЛЮДИ.

РАЗСКАЗЪ

(изъ сибирскихъ воспоминаній)

Старожила .

ГЛАВА I,

въ которой все молодо и неопытно, начиная съ пера авторскаго.

Я началъ помнить себя въ концѣ тридцатыхъ годовъ. Славное то было время! Домикъ у насъ былъ отличный, маленькій домикъ. Передъ окнами такая мелкая и зеленая трава росла, что досадно было даже смотрѣть, какъ ходили по ней: совсѣмъ не для того росла она, лечь-бы на нее, да такъ, отъ самаго крыльца да до воротъ, и катиться. Это я и дѣлалъ безчисленное множество разъ. Не разъ я удивлялся, отчего это отецъ мой сидитъ все за книгами да за бумагами, и ни разу не послѣдуетъ моему примѣру. Я былъ увѣренъ, что это доставило бы ему большое удовольствіе. Позади дома, съ огорода начиналась гора. Ухъ, какая славная, высокая гора! Я сначала не любилъ ее, да потомъ товарищи моего брата объяснили мнѣ, что все на пользу человѣка и что въ этой глинистой горѣ очень удобно можно дѣлать маленькія печи и даже топить ихъ лучинками. Впрочемъ, операцію эту посовѣтовали мнѣ совершать, для большаго удобства, во время послѣ-обѣденнаго сна моего отца, а во время его бодрствованія можно было, по словамъ

ихъ, заняться чѣмъ-нибудь другимъ: вырыть маленькія конюшни, раздѣлить ихъ дощечками на стойла и помѣстить туда пару вороныхъ, за которыми и кмандировали меня, какъ быстроногаго, съ коробочкой въ кухню.

Здѣсь я, при помощи кучера, ловилъ двухъ или трехъ черныхъ таракановъ. Мы наловили бы ихъ и болѣе, такъ какъ ни я ни кучеръ нашъ нисколько ихъ не боялись, да время было дорого, очень ужъ хотѣлось посмотреть, какъ они будутъ славно въ стойлахъ стоять.

Къ концу того лѣта, въ которое я началъ помнить себя, мои хозяйственныя постройки въ горѣ приняли огромные размѣры: у меня были уже сарай, погреба, печки и комнаты. Только конюшни, къ моему сожалѣнію, оставались пустыми, послѣ того, какъ я похвастался своему отцу и онъ сказалъ мнѣ, что мучить животныхъ грѣхъ.—Я распустилъ своихъ лошадей. Братъ замѣнилъ мнѣ ихъ лошадьми, вырѣзанными изъ бумаги, но это было уже далеко не то: во время сырой погоды онѣ были никуда не годны, свертывались и даже совершенно раскисали. И вотъ однажды, раздумывая о такомъ неутѣшительномъ фактѣ, я отправился съ подобнымъ раскиснувшимъ конемъ къ отцу съ цѣлю объяснить ему, что тараканамъ нисколько не мучительно стоять на даровыхъ хлѣбахъ въ моихъ стойлахъ, что я, въ видахъ гуманности, дѣлаю даже уступку и не намѣренъ привязывать ихъ за ногу.

Но объясненіе мое осталось невысказаннымъ. Въ

комнатахъ я засталъ не все въ порядкѣ: отецъ, заложивъ руки въ карманы подрясника, быстро ходилъ изъ угла въ уголъ, не то сердитый, не то печальный. Мать сидѣла у окна и плакала. Не рѣшаясь разспросить о причинѣ слезъ ея, я подошелъ къ ней и сталъ въ выжидательномъ положеніи.

— Да ты бы попросилъ еще... Можетъ и оставили бы, говорила она, всхлипывая.

— Просилъ... нельзя, говорить... послать другого некого.

Въ это время стукнула калитка и мы всѣ трое взглянули въ окно.

Петя, мой старшій братъ, съ сумкой черезъ плечо, весело неся домой, припрыгивая по зеленой травѣ, такъ восторженно, какъ можетъ прыгать только десятилѣтній мальчуганъ послѣ утра, проведеннаго въ душномъ классѣ, подѣ страхомъ попасть подѣ розгу изъ—за какого-нибудь противнаго аориста. Увидѣвъ Петю, отецъ провелъ рукой по лицу и вздохнулъ. Слезы сильнѣе полились изъ глазъ матери.

— Его-то куда?... куда?... Кому мы его оставимъ? заговорила мать, уже рыдая.

Я не вытерпѣлъ, и, приподнявшись на цыпочкахъ къ уху матери, спросилъ:

— Какъ оставимъ? зачѣмъ?

— Перевели насъ отсюда... Мы поѣдемъ въ другой городъ.

При этихъ словахъ вошелъ Петя. Осмотрѣвъ всѣхъ

присутствующихъ, и узнавъ сущность дѣла, залился онъ горькими слезами. Отецъ ушелъ въ другую комнату и легъ, закрывъ голову подушкой. Мнѣ ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ сѣсть между стульями на полъ и находящагося въ рукахъ моихъ бумажнаго коня употребить взамѣнъ платка. Но такъ какъ конь мой былъ вырѣзанъ изъ братниныхъ калиграфическихъ упражненій и хранилъ на себѣ остатки народной мудрости въ видѣ: «вѣкъ живи и вѣкъ учись», то подобный платокъ, смоченный обильными слезами, конечно не могъ не выпачкать моего лица. И очень былъ понятень смѣхъ матери и брата, случайно взглянувшихъ на меня. Смѣхъ возвратилъ матери обычное настроеніе и, пославъ меня умываться, она проворно застучала въ сосѣдней комнатѣ тарелками.

Въ то славное время въ нашемъ домѣ много говорилось объ одной дамѣ, и помню, какъ жадно вслушивался я въ эти разговоры, стараясь каждое слово проглотить своимъ полураскрытымъ ротикомъ. Много я слушалъ—многого не понималъ, но изъ понятнаго у меня составилось слѣдующее: дама эта была добра, со всѣми, хотѣла, чтобы и всѣ были добры, богаты и счастливы. Но какъ она хотѣла, такъ не дѣлалось: и ей, и другимъ людямъ пришлось худо и они сдѣлались несчастными. Понятіе объ этой дамѣ въ моемъ дѣтскомъ воображеніи слилось съ понятіями о Рахили, Ревеккѣ и другихъ женщинахъ, знакомыхъ мнѣ по священной исторіи, которую я такъ любилъ слушать по вечерамъ, взобравшись на отцовское колѣно.

Много говорилось у насъ объ этихъ людяхъ и объ этой, какъ называли ее, черной дамѣ въ особенности: какъ къ ней являлся дьяволъ, какъ она съ нимъ разговаривала и даже нарисовала его портретъ. Все это казалось мнѣ тогда очень естественнымъ. Я даже самъ, наслушавшись этихъ разсказовъ, увидѣлъ, проснувшись ночью, чорта съ хвостомъ, въ баронской коронѣ на головѣ, и очень напугалъ всѣхъ дикимъ своимъ крикомъ. Видѣніе это до сихъ поръ живо въ моей памяти и вспоминая его, я всякій разъ вспоминаю настой сушеной малины, которымъ меня изобильно поили, послѣ этого видѣнія, цѣлыя сутки, укутывая въ теплую шубу.

Я говорю теперь объ этой дамѣ и объ этихъ людяхъ потому, что за обѣдомъ, послѣдовавшимъ за нашими слезами, говорилось о нихъ, и на нихъ возлагались наши надежды. Ъли мы, впрочемъ, на этотъ разъ мало, такъ какъ у каждого изъ насъ была своя дума. Мои думы были очень игриваго свойства: я съ большимъ удовольствіемъ мечталъ о поѣздкѣ и не докончивъ обѣда, пригласилъ младшую сестру свою въ одну изъ комнатъ, гдѣ находилось собраніе моего имущества, и принялся за укладку. Задача была трудная, судя по разнообразію матеріала. Бумажный, со стеклянными окнами, домъ, по зрѣлому нашему обсужденію, долженъ былъ вмѣстить въ себя все признанное необходимымъ перевезти въ новый городъ. Сверхштатный экземпляръ штановъ моихъ едва вошелъ въ узкія двери и занялъ почти половину дома, но сапоги, не смотря на всю нашу энергію, въ

дверь не вошли и были отложены въ сторону, съ намѣреніемъ отдать во владѣніе одного босоногого моего пріятеля, являвшагося къ намъ по субботамъ за полученіемъ копеечки.

На брюкахъ очень удобно расположилась огромная коллекція галекъ, пріобрѣтенная мною въ нашей горѣ. Тутъ же улеглись и деревянные чашечки, собранныя мною послѣ торжественнаго, съ пушечной пальбой, освященія памятника великому мужу. Пришлось много шевелить мозгами касательно орливаго яйца—уложить его въ домъ было дѣломъ рискованнымъ и угрожало цѣлости яичной скорлупы:—рѣшено было везти его въ лѣвой рукѣ, правой же держать домъ съ пожитками. Сдѣлали репетицію и вышло все очень удобно и хорошо. Для болѣе нагляднаго изображенія будущаго нашего путешествія, младшая сестра, взявъ въ ротъ шнурокъ, представила лошадь. Затѣмъ оставалось идти къ отцу и объявить, что мы готовы... уложились. Но отецъ разочаровалъ насъ, сказавъ, что мы поѣдемъ еще не скоро... Поѣдемъ, когда снѣгъ будетъ.

И пошли день за днемъ, начали и въ дорогу собираться, одно продавать, другое покупать, калитка то и дѣло хлопала, приходили какіе то люди, осматривали нашъ домъ, конюшни, огородъ и совершенно истоптали всю нашу зеленую траву на дворѣ. Приходили священники, поздравляли отца и громко смѣялись и подмигивали другъ другу, когда отецъ говорилъ имъ, что онъ радъ бы былъ остаться и что его не радуешь новое

мѣсто. Пѣвчіе архіерейскіе приходили... сначала пѣли, потомъ пили, опять пѣли и пили, и громко хохотали.

Пріѣхала и черная дама, долго говорила съ отцомъ, потомъ позвали брата, велѣли ему одѣться и онъ уѣхалъ съ черной дамой.

Возвратился только вечеромъ и возвратился, захватившись, съ узелкомъ чрезвычайно вкусныхъ конфетъ и принялся обдѣлывать насъ, повѣствуя о своихъ похожденияхъ.

— Татьяна Дмитревна, (такъ звали черную даму) добрая и онъ тоже доброй... Онѣ берутъ меня къ себѣ жить... когда вы поѣдете отсюда... у нихъ садъ... цвѣты... домъ каменный... въ золотой бумажкѣ, кислые... мнѣ не надо, берите всѣ... я тамъ ужъ ѣлъ... книги съ картинами... въ одной книгѣ они всѣ нарисованы—онъ телѣжку везетъ, а тамъ солдаты стоятъ... я тамъ за обѣдомъ варенье ѣлъ... вина давали сладкаго.

Послѣ подобныхъ разсказовъ мои смутныя понятія объ этой дамѣ и объ окружающихъ ее сдѣлались въ головѣ моей еще болѣе смутными. Существованіе конфетъ, варенья и книгъ съ картинками—какъ-то отдѣлило ее отъ строя библейскихъ героинь.

ГЛАВА II,

въ которой юный авторъ дѣлается умнѣе, узнавъ на практикѣ, что земля наша и велика и обширна.

Отъ вышеописаннаго до дороги, моя память не позаботилась сохранить въ прокъ ничего особеннаго: вѣроятно нечего было хранить, или не стоило. Я помню себя сидящимъ въ какомъ то коробѣ, накрытомъ другимъ коробомъ, притиснутый боками родныхъ.

Съ обѣихъ сторонъ, словно на abordажъ непріятельскаго корабля, лѣзли лица знакомыхъ намъ женщинъ и бомбардировали насъ поцѣлуями. Въ рукахъ одной изъ нихъ былъ мой бумажный домъ. Судьба и обстоятельства распорядились вопреки моимъ желаніямъ: сапоги мои были взяты въ дорогу, а домъ и гальки остались на мѣстѣ. Убѣжденный въ неперевозимости этихъ вещей, я великодушно распорядился своимъ имуществомъ: домъ отдалъ прачкѣ, а гальками и орлинымъ яйцомъ наградилъ сѣдаго дьячка, что однако не привело его въ восторгъ и онъ прехладнокровно положилъ мой подарокъ на окно, обѣщаясь зайти за нимъ опосля.

Долго мы ѣхали—успѣлъ я заснуть, проснуться, промерзнуть, а мы все ѣдемъ; и ночь на дворѣ—а мы

все ѣдемъ. Я начинаю приходить въ безпокойство и задавать себѣ вопросъ: будетъ ли конецъ этому странствованію? Въ моей, отуманенной дорогою, головѣ выются мои любимые рассказы изъ священной исторіи—я считаю себя странствующимъ израильтяниномъ и хлопья снѣгу принимаю за манну. Напрасно вглядываюсь впередъ, чтобы увидѣть гору, потому я твердо былъ увѣренъ, что городъ безъ горы не бываетъ: оттого онъ и городъ называется.

Но разочарованіе мое было полное: ни къ одному изъ огородовъ обывателей города Полуторовска не спускалась глинистая, покатая стѣна любимой моей горы; дома въ этомъ городѣ были какіе-то непривѣтные, занесенные снѣгомъ. Свѣдѣнія, имѣвшіяся у меня о Полуторовскѣ, были только тѣ, что въ немъ имѣлись люди, непохожіе на другихъ людей, люди, которыхъ черная дама называла своими и которыхъ семейство временнаго нашего хозяина священника, у котораго мы сдѣлали привалъ, описывало какими то странными людьми, чуть не звѣрями. И неудивительно, что первая встрѣча съ однимъ изъ этихъ людей осталась ясной въ моей памяти.

Что можетъ быть пріятнѣе, какъ сознаніе своей полезности и даже необходимости? По крайней мѣрѣ я ничего не знаю лучше такого именно блаженства, въ какомъ находился я во вновь устроиваемой квартирѣ, надъ украшеніемъ которой мы трудились съ отцомъ. Посрединѣ комнаты лежитъ пріѣхавшій съ нами столъ; отецъ размѣшиваетъ горячій клей, имѣя въ виду укрѣ-

пить вынутыя ножки, пара которыхъ уже пять минутъ какъ покоится на моихъ рукахъ. Въ припадкѣ усердія я хотѣлъ было взять всѣ четыре, но это оказалось не-возможнымъ. И поднятая мною пара была чувствительна по своей тяжести, но моя физическая усталость побѣждалась нравственнымъ сознаніемъ своей полезности. О, какъ же вдругъ екнуло мое сердце, когда отецъ, въ забывчивости, протянулъ руку къ ножкѣ, лежащей на полу, но, дотронувшись до нея, онъ взглянулъ нечаянно на меня и измѣнилъ свое намѣреніе!

— Ну, спасибо. Теперь положи эту ножку сюда, и дай мнѣ вонъ то крыло.

Крыло, разумѣется, явилось по назначенію быстрѣе, чѣмъ оно летало когда-нибудь.

— Кажется, хорошо мы съ тобой приклеили. Теперь я буду другую вставлять, а ты осмотри хорошенько эту и оботри, гдѣ выступилъ клей.

И ни одинъ придирчивый ревизоръ не осматривалъ такъ ревизуемаго предмета, какъ я, и никто никогда такъ усердно не вытиралъ ничего, какъ вытиралъ я ввѣренную мнѣ ножку, до тѣхъ поръ, пока на мое попеченіе не поступила вторая, а за нею третья и четвертая.

— Ну, теперь поставимъ его на ноги. А куда мы его поставимъ?... къ какой стѣнѣ?

Ухъ, какъ радостно колотится сердце, при просьбѣ совѣта, и я, млѣя отъ восторга, думаю, что вотъ тутъ бы надо, и вообразите, его тутъ и ставятъ! О, да какъ же я выросъ въ собственныхъ своихъ глазахъ, съ какимъ восторгомъ обвелъ я всю комнату глазами и оста-

новилъ ихъ на дверяхъ! Въ нихъ стояла фигура неизвѣстнаго господина и съ добродушной улыбкой смотрѣла на насъ. Это былъ господинъ въ легонькой шубѣ съ коротенькимъ капишномъ, въ остроконечной мерлушачьей шапкѣ на маленькой головѣ. По бокамъ его остраго съ горбомъ носа блестѣли темные, быстрые глаза; улыбающійся красивый ротъ его обрамливался сверху черными усами, а снизу маленькой, тупосрѣзанной эспаньолкой. Онъ не походилъ ни на духовнаго, ни на чиновника,—единственно пока знакомые мнѣ два типа.

Замѣтивъ, что глаза мои впились въ него, онъ снялъ свой колпакъ и вошелъ въ нашу комнату.

— Устраиваетесь? спросилъ онъ, цѣлуя моего отца въ то время, какъ отецъ спѣшилъ вытерѣть руки.

— Да, по немногу.

— Намъ ваши много писали объ васъ хорошаго, мы вѣримъ имъ и очень рады. Хорошій человекъ на нашемъ хорошемъ свѣтѣ вещь не лишняя. И онъ улыбнулся.—А это сынъ вашъ?

— Да.

— А я вамъ еще не сказалъ своей фамиліи, я Лягушкинъ. Онъ снялъ свою шубу, подошелъ ко мнѣ, взялъ сухими, горячими руками за голову, нагнулся и поцѣловалъ въ лобъ.

Я отличался колоссальной дикостію, и появленіе всякаго чужаго человека служило мнѣ предлогомъ съ быстротою молніи уноситься въ отдаленную комнату. Этого, должно быть, боялся, ожидалъ отецъ мой въ

настоящую минуту, потому что положилъ на мое плечо свою бѣлую руку, но, къ его удивленію, бѣгства съ моей стороны не послѣдовало. Напротивъ, я не отрывалъ глазъ отъ посѣтителя; всѣ мои смутныя понятія о черной дамѣ, о ея друзьяхъ, добрыхъ людяхъ, несчастныхъ потому, что были добры, казалось олицетворялись въ этомъ сухомъ, сутуловатомъ человѣкѣ въ сѣрой курткѣ со стоячимъ воротникомъ, сверхъ которой была надѣта широкая черная тесемка со спрятанными въ боковомъ карманѣ концами. Брюки изъ той же матеріи, какъ и куртка, оканчивались такими свѣтлыми сапогами, какихъ я еще не видалъ ни у кого.

Я не переставалъ его разсматривать во все время, пока онъ говорилъ съ отцомъ. Гость съ перваго же разу понравился мнѣ. Смотри на него, я вспоминалъ, какимъ героемъ дня былъ мой братъ, возвращавшійся отъ черной дамы; съ какимъ вниманіемъ окружали мы его съ сестрами и слушали его рассказы. И вотъ, возвратясь сегодня на нашу временную квартиру, рассказывать ужъ буду я.

Мнѣ вдругъ представилось, что Лягушкинъ похожъ на моего отца; я такъ имъ и скажу: онъ похожъ на отца. И я началъ дѣлать сравненія, перенося свой взглядъ съ отца на Лягушкина и обратно, но вдругъ сконфузился: черные глаза гостя разсматривали меня еще съ большимъ любопытствомъ. Я посиѣшилъ закусить свой шевелившійся, отъ внутренней бесѣды, губы и исполнить свой маневръ, исчезнуть вдалѣ, какъ гость всталъ, погладилъ меня по головѣ, поцѣловалъ крѣпче прежняго и

сказалъ, что онъ скоро познакомить меня съ хорошими, умными дѣтьми.

— Однако я не буду вамъ мѣшать теперь, устройнитесь; а пока до свиданія. Онъ надѣлъ свою шубку, надвинулъ на лобъ свою остроконечную барашковую шапку, и вышелъ.

Дальнѣйшая наша уборка не имѣла для меня интереса; безъ особеннаго пафоса подавалъ я тяжелый молотокъ отцу, стоящему въ переднемъ углу на стулѣ и готовящемуся вбивать гвоздь для иконы. Гвоздь вбить, и идя за иконой, отецъ проговорилъ вслухъ: Лягушкинъ. Лягушкинъ, какъ эхо повторилъ я, и мы замолкли. Не знаю о чемъ думалъ отецъ, я же думалъ, что маленькое зеркало можно бы повѣсить и послѣ, а теперь надо бы идти домой.

— Ты хочешь ѣсть?

Разумѣется, я чувствовалъ голодъ, но не физическій, хотя и сослался на него: я алкалъ разсказать о необыкновенномъ нашемъ посѣтителѣ.

Но не ждалъ я, по неопытности въ житейскихъ казусахъ, что рисующееся въ воображеніи такимъ эффектнымъ, въ дѣйствительности окажется жалкаго рода. Такъ случилось со мною въ этотъ разъ.

— Ну что, все устали? встрѣтила меня старшая сестра Маша. Мою швейку не потерялъ?

— Все... не потерялъ... Мы разставили столъ, икону... у насъ былъ Лягушкинъ, онъ меня поцѣловалъ... у него свѣтлые такіе сапоги... умные мальчики у него есть, онъ меня къ нимъ поведетъ: мы играть будемъ,

домики строить... все будемъ... выстрѣлилъ я залпомъ, къ дѣйствительности примѣшивая плоды фантазіи и съ удивленіемъ замѣчая, что мое сообщеніе не производитъ должнаго эффекта. Переводя духъ, я началъ снова. Словно какъ будетъ онъ... на тятинку похожъ... я къ нему въ гости пойду.

— Кто это Лягушкинъ? перебила меня сестра, обращаясь къ Настенькѣ, зеленоватой барышнѣ, дочери нашего хозяина. Та захохотала.

Ея хохоть доставилъ мнѣ случай узнать, что испытываетъ человѣкъ, неожиданно-негаданно окаченный холодною водою.

— Лягушкинъ? это страшный такой; въ вострой шапкѣ, съ усами? Онъ сумасшедшій, здѣсь его боятся; онъ изъ несчастныхъ.

— Нѣтъ, онъ не страшный, робко осмѣлился возразить я.

Барышня захохотала пуще, сестра ей вторила, смотря на покраснѣвшее лице мое. Меня сильно разбирала охота выставить новаго друга своего въ самомъ блестящемъ видѣ; я былъ страшно сконфуженъ. Воображеніе мое работало, приискивая какое набудь блестящее достоинство, могущее возстановить осмѣянную репутацію Лягушкина, а съ нею вмѣстѣ и мой собственный авторитетъ. Что-жъ имъ сказать еще, коли даже блестящіе сапоги на нихъ неподѣйствовали? И вдругъ мнѣ припомнился разсказъ сестры объ одномъ великомъ человѣкѣ, величіе котораго, по мнѣнію сестры, заключалось въ томъ, что у этого человѣка была

лента. У Лягушкина тоже была лента. Пришла минута торжества: я гордо выпрямился и смѣло сказалъ, что у Лягушкина есть лента.

— Ну, такъ что-же? замѣтилъ мой безпощадный оппонентъ. — Какой онъ у васъ смѣшной, обратилась она къ сестрѣ: — эка важность, что Лягушкинъ носить часы на ленточкѣ.

Сестра, взглянувъ на меня, тоже захохотала. Это было сигналомъ для меня, быстро повернуться и бѣжать вонъ изъ комнаты, и пора была. Едва заперъ и дверь, какъ слезы хлынули изъ глазъ моихъ. Увы, того ли я ждалъ! Затѣмъ ли я такъ быстро несея домой, опережая отца и не всегда минуя лужи отъ тающего снѣгу! И какъ мнѣ теперь явиться къ обѣду! Несчастный, для меня въ полномъ смыслѣ этого слова, по всей вѣроятности, явится за столомъ съ лентой!.. И какіе часы... какъ могутъ быть тамъ гири? И рядъ вопросовъ зашевелился въ моей головѣ, своею вознею выплескивая еще болѣе воды изъ глазъ моихъ.

Слава Богу, обѣдъ прошелъ благополучно. Никто не замѣтилъ моихъ заплаканныхъ глазъ. Сестра и Настенька должно быть забыли о лентѣ, но я все-таки дальше горохового супу сидѣть не рискнулъ, а помолвившись Богу и сказавъ, что сытъ, отправился въ кухню. Тамъ былъ у меня пріятель Петръ, нашъ кучеръ. Никогда онъ не смѣялся надо мною; напротивъ, для него одного я былъ авторитетомъ и онъ восхищался моими громадными познаніями. По цѣлымъ часамъ бывало терпѣливо слушаетъ и смотритъ, какъ я, выводя меломъ

громоздья буквы, тономъ профессора объясняю ему ихъ названіе; а когда нарисую ему птицу, то онъ дѣлался такимъ пристрастнымъ цѣнителемъ моего таланта, что даже приводилъ меня въ смущеніе; непременно отыщетъ какую-нибудь деталь, ускользнувшую отъ вниманія самого автора.

— Вишь ты, діаконскую курицу изобразилъ.

— Это, Петръ, я гуся.

— Чего гуся? рази я не вижу, что діаконску курицу. Вонъ одинъ палець-то виситъ обрубленъ — это ономнися пьяный дяконъ нарочно обрубилъ. Славно потрафилъ.

Я начинаю думать, что чуть-ли я не въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ изобразить дяконскую, невиданную мною, курицу.

— И гдѣ это онъ ее видѣлъ?.. Пострѣли тебя, славно смастерилъ.

— Ты чего-же это при ребенкѣ ругаешься, замѣтитъ бывало мать.

— Да какъ же, матушка, глядь-ко, какъ дяконску-то курицу потрафилъ!

— Это лошадь, мелькомъ взглянувъ на мое произведеніе, замѣтитъ мать.

Петръ обидится.

— Наткось! Ло-ошадь! А дуга то гдѣ же, по вашему?

Къ нему-то я и отправился теперь сообщить про Лягушкина и спросить пообстоятельнѣе отчего такъ смѣялись надо мною?

Въ кухнѣ онъ былъ не одинъ; хозяйская кухарка, толстая, рябая дѣвица, съ сердитымъ лицомъ и съ краснымъ носомъ сидѣла у печки и курила трубку. Петръ только-что пообѣдалъ, клалъ быстрые кресты и еще быстрѣе отмахивалъ головой.

— За хлѣбъ за-соль, обратился онъ въ концѣ молитвы къ мужественной барышнѣ.

— Ладно, отвѣтила та, и сплюнула въ сторону.

— Петръ, мы пойдемъ сегодня на квартиру-то?

— Какъ-же, сегодня ужъ тамъ всѣ ночуемъ.

— А ты видѣлъ, къ намъ тамъ гость приходилъ?

— Барина-то? видѣлъ.

— Какого барина? полюбопыствовала кухарка, громко выколачивая о шестокъ свою деревянную трубку.

— Это Лагушкинъ, поспѣшилъ я любезно сообщить нелюбезной дѣвицѣ.

— Съ какова онъ боку баринъ-то? такой же баринъ, какъ и нашъ братъ—варнакъ.

Я остолбенѣлъ.

— Да ты его за што? вступился Петръ.

— Былъ баринъ, да сплылъ! Сослали — значить варнакъ!

— Варнаковъ, тетка, сѣкутъ—насъ съ тобой сѣкли, а его вѣтъ.

— Все едино... тебя за што?

— Мальчишкой отъ барина убѣгъ, да все бродяжилъ. Я непомнящій.

— Ну, а я за ребенка. А они хуже хотѣли.

Пораженіе для меня было сильнѣе перваго. Я пересталъ понимать что-либо, а между тѣмъ мнѣ хотѣлось что-то понять, а что такое—я и самъ не зналъ. Я сѣлъ около Петра на лавку и молчалъ, молчалъ и слушалъ.

— Извѣстно, ихъ чертей не сѣкутъ, и откуда то сошлютъ, такъ барами живутъ... а нашъ братъ всю жисть какъ въ аду... угождай на дьяволовъ. Кривая то сегодня опять злобствуетъ: хлѣбъ, вишь ты, пропалъ, а мнѣ ф...

Дверь отворилась, вошла хозяйка и прервала горячую рѣчь дѣвицы.

Я всталъ и тихо, сторонкой, никѣмъ незамѣченный, вышелъ изъ кухни

Петръ сказалъ правду: къ ночи мы были на новой квартирѣ и занимались каждый своимъ дѣломъ. Въ первой комнатѣ, на угловомъ столѣ, бѣлѣлась скатерть и лежали свѣчи, оставшіяся отъ молебна. Пахло ладаномъ. Отецъ, заложивъ руки за спину, ходилъ по комнатѣ и тихо напѣвалъ: «Заступникъ и Покровитель.» На дворѣ хлопали ставни. Я ходилъ около отца въ самомъ тихомъ настроеніи духа; послѣ обильнаго внѣшними и внутренними событіями дня я былъ утомленъ; я не, прочь бы рѣшить окончательно вопросъ о Лагушкинѣ и рѣшить устами отца, но боялся. Ну, какъ и онъ, если не захочетъ,—онъ никогда надо мной не смѣется—а улыбнется, и я молчалъ. Отецъ сѣлъ; я всталъ около него.

— Изъ исторіи бы мнѣ.

— А объ чемъ я тебѣ въ послѣдній разъ рассказывалъ?

— Хотѣли объ Офернѣ рассказать.

— Объ Олофернѣ, поправиль отецъ, и началъ свой рассказъ. Сегодня онъ особенно хорошо рассказывалъ и никогда я не слушалъ такъ внимательно.

— Такъ Юдифъ хорошо сдѣлала? Ее грѣхъ ругать? ее вѣдь надо любить, да, вѣдь надо?

И началъ отецъ опять объяснять: почему хорошо, почему грѣхъ ругать всѣхъ и почему надо всѣхъ любить.

Моя логика быстро сдѣлала приложеніе къ сегодняшнему событію и вывела заключеніе, что Лягушкинъ Юдифъ, что рябая кухарка грѣшница — зачѣмъ она варнакомъ ругается. И не будь я такъ сегодня напуганъ смѣхомъ сестры и Настеньки, и горячей оппозиціонной рѣчью кухарки, я бы рассказывалъ свой выводъ отцу и былъ бы направленъ на путь истинный; но страхъ его улыбки остановилъ меня. Мое рѣшеніе осталось при мнѣ и доводы за Лягушкина, съ разу полюбившагося мнѣ, были, по моему понятію, неопровержимы, какъ основанные на священномъ писаніи. Съ тѣмъ я и заснулъ.

ГЛАВА III,

**въ которой юный авторъ узнаеть, что на обширной
землѣ есть люди разныхъ званій и незваній.**

Въ новомъ нашемъ владѣніи весенне-теплое солнце надѣлало такихъ большихъ проталинъ и начало такъ быстро подгонять миміатюрную ярко-зеленую травку, что изъ головы моей, весьма естественно, исчезъ и Лягушкинъ, и опредѣленіе его значенія на общественной лѣстницѣ Полуторовскаго міра. Да и какія заботы могли устоять противъ ежечасно распространяющихся темныхъ материковъ, на которыхъ можно было основаться сухой ногой и ставить на текущихъ около канавкахъ меленки?

Но верхомъ блаженства была для меня минута открытія, между двухъ обсохшихъ грядъ, небольшого домика съ круглымъ окномъ. Петръ, на котораго весна дѣйствовала не менѣе, чѣмъ на меня, напоминая ему его бродяжническіе годы—единственную поэтическую страницу въ его жизни, цѣлый день торчалъ на дворѣ, и объяснилъ онъ мнѣ, что домикъ этотъ предназначенъ для птицъ-скворцовъ, что надо его только поставить на высокую палку и затѣмъ ожидать крыла-

тыхъ квартирантовъ. Ну, и дорого же онъ заплатился за сообщеніе подобнаго свѣдѣнія; я не знаю, имѣлъ ли онъ отъ меня минуту покоя до тѣхъ поръ, пока мое открытіе не вознеслось его руками къ синему весеннему небу. А затѣмъ, сколько разъ онъ долженъ былъ клясться и божиться, что во всемъ городѣ еще нѣтъ ни одного скворца, и что возвышать еще выше скворечницу не слѣдуетъ, что наша скворечница выше всѣхъ, и что откуда-бы скворцы ни летѣли, они ее первую замѣтятъ и поселятся въ ней первой.

— Ну, а если они изъ-за собора полетятъ? Вотъ отсюда-то ее и не видно, возражалъ я ему, и сильно билось отъ страха мое сердце и чуялось, что непременно полетятъ скворцы изъ-за собора.

— Небойсь, изъ-за собора не полетятъ: они изъ-за бани полетятъ, утѣшалъ онъ меня, обстрагивая вилы.

— А ты какъ знаешь? отчего изъ-за собора не полетятъ?

— Да такъ... Тамъ трапезникъ сердитый... онъ имъ дастъ ужо.. онъ ихъ такъ полѣномъ хватить, что не бойсь не полетятъ.

— Да развѣ онъ ихъ хотѣлъ полѣномъ прогнать?

— Хотѣлъ... Я ему сказалъ.. онъ говоритъ, я ихъ такъ полѣномъ... пусть, говоритъ, изъ-за бани.

— Да когда же они прилетятъ?!

— Да ужъ прилетятъ, не сумлѣвайся. Ты бы вотъ въ книжку пошелъ почиталъ. Теперь, вишь ты, мнѣ вилы надо ладить.

— Ты тоже уйди отсюда, а то они тебя можетъ бояться.

— Э, скворцы то? они, братъ, никого не бояться... ты ихъ не знаешь еще.

— Такъ а трапезникъ то? они его не испугаются!

— Ну тебя, экой ты!.. не испугаются, какъ не испугаются?... Ты его еще, братецъ мой. не знаешь, трапезника-то.

— А это, смотри. смотри! кто летить?

— Это голубь, святая птица.

— Святая? отъ чего святая?

— А читай въ книжку.. узнаешь, тамъ сказано: голубь святая, а воробей проклятая. Самъ Христосъ проклиалъ его.

— За чѣмъ проклиалъ?

— А не выдавай! Когда, значить, жида Христа ко кресту приколотили, потомъ одинъ хотѣлъ его еще копьемъ кольнуть, узнать, видишь ты, хотѣлъ: живъ ли онъ, али нѣтъ.. одни, вишь, ты говорятъ живъ, а другіе—умеръ. А голубь сѣлъ на крестъ то да и воркуетъ: умеръ.. умеръ. Тѣ говорятъ: вишь птица сказывается, что умеръ. Ладно, говорить, коли умеръ, такъ пойдемъ; а воробей сѣлъ да и началъ: живъ... живъ... живъ. Жидъ то остановился да и проткнулъ бокъ-то. Ну, Христосъ и проклиалъ воробья.

— Гриша! слышалось съ крыльца, тебя маменька зоветъ.

— Поди, поди тебя зовутъ, заторопилъ меня Петръ,

обрадовавшийся случаю отдохнуть отъ бесѣды о скворцахъ, продолжающейся второй уже день.

Въ комнатѣ меня ожидалъ сюрпризъ, Мать и сестра соорудили мнѣ великолѣпнѣйшій шумящій, изъ новаго казинета, скюртукъ и штаны, которыя я и принялся примѣривать. Весна, скворцы и новый костюмъ: сколько радостей! Я не выдержалъ и бросился цѣловать мать.

— Ну, хорошо, хорошо,—говорила она, смѣясь. Но мни же его. Надѣнешь на послѣдней недѣлѣ къ причастію, а потомъ въ Пасху, а теперь сними.

Но я выпросилъ позволенія показаться въ немъ Петру, поразить его и дѣйствительно поразилъ, такъ что онъ оставилъ свою работу, обошелъ меня кругомъ и въ заключеніе, присѣвъ на корточки, сообщилъ:

— Такой, братецъ, тебѣ кафтанъ соорудили, что хоша бы и засѣдателю, право.

Но не пришлось мнѣ обновить свой новый, блестящій костюмъ въ день причастія: судьба распорядилась иначе. На завтра поутру, въ углу темной комнаты, я снималъ съ себя начинавшіе расползаться на колѣнахъ брюки и надѣвалъ новоиспеченныя. Старшая сестра, примочивъ мнѣ голову, причесывала, а мать давала наставленія: не шалить, не сломать тамъ чего-нибудь, поклониться какъ войду и не забывать, что въ карманѣ кафтана имѣется платокъ. Причина этого необыкновеннаго наряжанія былъ Лягушкинъ, пришедшій чтобы увести меня въ гости-къ дѣтямъ. Въ ожиданіи меня, онъ сидѣлъ и весело разговаривалъ съ отцомъ. Мнѣ сдѣ-

лалось почему-то вдругъ страшно... пусть бы завтра. Но отступленіе было заперто; въ рукахъ моихъ была шапка и руки сестры выдвинули меня прямо къ гостю.

— А вотъ и онъ: здравствуй! говорилъ улыбаясь Лягушкинъ, цѣлуя меня опять въ лобъ. Ты готовъ? пойдёмъ. Прощайте, обратился онъ къ отцу, а о школѣ мы съ вами потолкуемъ основательнѣе... вещь необходимая.

Неопредѣленные мысли волновали мою голову въ то время, какъ я шагаль по широкимъ улицамъ Полоторовска. Лягушкинъ, вагнавъ какого-то мужика съ мѣдными подсвѣчниками, толковалъ съ нимъ, рассказывая ему какъ бы можно было сдѣлать эти-же подсвѣчники и лучше, да и обошлись-то они бы подешевлѣ, тотъ съ нимъ спорить: чудно вы говорите, Дмитрій Ивановичъ, право чудно, такъ таки изъ синяго купоросу и соорудете мѣдную вещь: безъ огня, значить.

— Ну, а ты зайди ко мнѣ, такъ я тебѣ покажу эту штуку... штука не мудреная.

— Непремѣнно завтра-же зайду, посмотрю, посмотрю, говорилъ, усмѣхаясь и пріостанавливаясь на перекресткѣ мѣдякъ: а теперь прощенья просимъ.

И онъ пошелъ прямо, а мы повернули въ переулокъ. Жутко мнѣ было подходить къ сѣренькимъ воротамъ сѣренькаго небольшого дома съ большими стеклами въ окнахъ, притомъ-же и совѣсть мучила, что я обновляю свой новый костюмъ, идя не въ церковь, а въ гости.

Въ длинной, съ однимъ окномъ, передней встрѣтили насъ веселенькая дѣвочка и низенькій, толстенькій го-

сподинъ съ трубкой во рту и въ такомъ же костюмѣ, какъ и Лягушкинъ. Вся его фигура напомнила Наполеона перваго.

— А, привели, сказалъ онъ какъ-то насмѣшливо и моргая глазомъ на меня. Вотъ тебѣ, Женни, гость, занимай его, сказалъ онъ дѣвочкѣ въ то время, какъ я снялъ шубу и стоялъ совершенно растерявшись, ломая ни въ чемъ неповинныя мои руки. Мнѣ не понравился этотъ господинъ, мнѣ показалось, что онъ смѣется надо мной, и я свободно вздохнулъ только тогда, когда на ципочкахъ миновалъ комнату съ двумя дамами и очутился съ глазу на глазъ съ быстрой Женни въ ея уголокъ. Маленькая хозяйка съ большимъ любопытствомъ разсматривала меня, я же, еще болѣе сконфуженный ея обзорѣніемъ, смотрѣлъ въ дверь: часть комнаты съ печью, въ которой я очень удобно могъ-бы установиться и передъ которой, заложивъ руки за спину, стоялъ встрѣтившій насъ хозяинъ, разговаривая съ набивающимъ трубку Лягушкинымъ; виднѣлся мнѣ еще уголокъ дивана, на которомъ сидѣли двѣ женщины въ бѣлыхъ чепцахъ и темныхъ платьяхъ. Онѣ разговаривали между собой и, какъ показалось мнѣ, вязали чулки.

— Васъ какъ зовутъ?

— Гриша.

— Вы знаете, кто это стоитъ у камина?

— У чего?

— У камина вонъ—съ Лягушкинымъ.

— У печки?

— Это каминъ—не печка.

— Нѣтъ, не знаю.

— Это папа, Иванъ Матвѣичъ, на диванѣ сидитъ Матрена Кондратьевна, а сюда теперь смотритъ Василиса Александровна, у ней парикъ. Послѣднія слова она сказала шопотомъ и смѣясь.

— Что у ней?

— Парикъ, парикъ,—у ней нѣтъ своихъ волосъ: это чужіе на ней, да, право чужіе, шептала она.

— Женни! раздался голосъ Ивана Матвѣича:—шептаться не хорошо!

Дѣвочка сконфузилась, надула было губки, но быстро оправилась, улыбнулась и спросила громко:

— Вы видѣли эти картинки? И она достала со стола книгу.

Подобное угощеніе было самымъ лучшимъ средствомъ оклиматизировать меня дикаря, и чрезъ полчаса я ужъ отъ души хохоталъ, слушая объясненія картинокъ, и проникался уваженіемъ къ познаніямъ моей хозяйки.

— Ну, дѣти, пойдемте обѣдать, прервала нашу бесѣду вошедшая Матрена Кондратьевна. Мы отправились за нею въ комнату, въ которой былъ каминъ. Посрединѣ ея за круглымъ столомъ сидѣли уже Иванъ Матвѣичъ, Лягушкинъ и Василиса Александровна. Матрена Кондратьевна, указавъ мнѣ мѣсто, сѣла къ мискѣ и принялась за разливаніе супу. Окинувъ глазами углы комнаты, въ надеждѣ найти образъ, я принялся молиться на что-то висящее въ черной рамкѣ между оконъ, а затѣмъ, садясь на мѣсто, я замѣтилъ, что маленькая хозяйка моя сидитъ, потупившись въ тарелку,

и тихо хихикаетъ, а Иванъ Матвѣичъ смотритъ на нее и неодобрительно качаетъ головой. Послѣ нѣсколькихъ лежекъ супу собесѣдники снова начали прерванный разговоръ.

— Еще дня два—и снѣгу не будетъ, я выставила уже окна, замѣтила Василиса Александровна.

— У насъ Иванъ Матвѣичъ не велитъ. Иванъ Матвѣичъ вздохнулъ. Вообще мнѣ казалось, что онъ на кого-то сердится или кто-нибудь его обидѣлъ, онъ или вздыхалъ какъ-то отрывисто, такъ что слышалось только хо—хо—хо! или же насмѣшливо какъ-то моргалъ и усами и глазомъ въ одно время. Не будь его за столомъ, супъ, показавшійся мнѣ очень вкуснымъ, былъ бы вдвое вкуснѣе.

— Да, барометръ обѣщаетъ хорошую погоду, сказалъ Лягушкинъ.

Надо спросить у Женни кто это такой барометръ. Барометръ, барометръ—твердилъ я машинально, смотря какъ Иванъ Матвѣичъ принялся рѣзать поставленный передъ нимъ кусокъ мяса, любуясь кровавымъ его сокомъ.

— Скворцы ужъ прилетѣли, произнесла Матрена Кондратьевна.

Я вздрогнулъ, мнѣ ужъ было не до обѣда. Бросивъ взглядъ на Матрену Кондратьевну, не шутить-ли она надо мной, и на мясо, и сообразивъ, что изъ-за него не стоитъ оставаться—я всталъ изъ-за стола, снова помолился и на просьбы хозяйки объявилъ, что ѣсть болѣе не хочу, а пойду домой. Мою сторону принялъ

и Иванъ Матвѣичъ, онъ даже весело мнѣ улыбнулся, пощекоталъ меня и велѣлъ, чтобы меня проводилъ кучеръ до дому.

Изъ этого дикаго мальчика будетъ прокъ большой, слышалъ я, надѣвая свою шубу, голосъ Ивана Матвѣича.

Такъ вотъ они когда прилетѣли... ишь какіе... зачѣмъ она не сказала, откуда они прилетѣли... эхъ славно, если да изъ за бани—тамъ хоть трапезникъ, ну да какъ онъ вдругъ спалъ? Ни дома, ни прохожіе для меня не существовали,—я летѣлъ и только на одинъ домъ и обратилъ вниманіе, да и то потому, что мой проводникъ удержалъ меня за руку.

— Тутъ грязно, не ходите, пойдемте на другую сторону. Изъ открытаго окна въ этомъ домѣ слышался хохотъ и громкіе голоса, ворота были открыты и у крыльца виднѣлась тройка лошадей, заложенная въ тарантасъ; два или три мужика безъ шапокъ стояли у крыльца, казакъ уминалъ сѣно въ тарантасѣ...

Матрена Кондратьевна не обманула: скворцы прилетѣли; правду сказалъ и Петръ: около квартирки, приготовленной нами для нихъ, летала черная птичка—и это обстоятельство доставило мнѣ не мало радости.

ГЛАВА IV,

ведущая читателя въ тотъ домъ, около котораго грязно.

Домъ этотъ принадлежалъ Василию Степановичу Кукишеву. Кукишевъ, извѣстный въ городѣ Полуторовскѣ подъ именемъ князя, собирается объѣхать свою дистанцію, ввѣренную ему какъ засѣдателю, но дорого бы далъ князь, если бы ему возможно было остаться дома въ своемъ татарскомъ халатѣ и торжковыхъ сапогахъ, покоиться на мягкомъ, хотя и продавленномъ диванѣ. Но сила, выше и могущественнѣе его, приказываетъ его трястись по неудобнымъ дорогамъ, плыть по грязи; и повинуется онъ этой силѣ; и съ горя выпиваетъ рюмку за рюмкой хорошей доморощенной наливки. Высшая же сила, олицетворяемая полной, румяной, съ соболиными бровями и агатовыми очами, супругой его Ксеніей Матвѣвной, переходила изъ комнаты въ комнату, энергически распоряжаясь касательно болѣе аккуратнаго и болѣе быстрого укладыванія супружескаго багажа.

— Право, Ксюша, началъ немного заикаясь и немного заискивающимъ тономъ князь:—право, не лучше ли послѣ праздниковъ? А то теперь гдѣ-нибудь засидеешь

въ деревнѣ... рѣчки эти... просидишь тамъ праздники... все равно, Ксенюшка, останемся же безъ денегъ.

Послѣдній аргументъ онъ считалъ самымъ убѣдительнымъ: не даромъ-же вчера цѣлый день онъ уподоблялся сухому дереву, а востроглазая супруга его острой пилѣ, нещадно пилившей бѣднаго князя подь монотонный напѣвъ о томъ, что служить такъ нельзя, что на писарей полагаться не слѣдуетъ, что такъ и голодомъ насидишься. А тутъ Пасха на дворѣ, и наряды и вечеръ дать придется, слѣдовательно, нужно самому объѣхать всѣхъ мужиковъ. Вспомнилъ всю эту пѣсню князь и привелъ свой аргументъ.

Черныя бровки супруги сдвинулись грозно, какъ гуча; изъ черныхъ глазъ блеснула молнія, желая окаменить уста слишкомъ откровеннаго супруга, забывшаго, что у окна, около закуски, сидитъ сильно нагрузившійся докторъ, а у дверей, въ скромной позѣ, письмоводитель его, Николай Павлычъ. Хотя они и свои люди, и очень хорошо знаютъ, зачѣмъ нужно ѣхать по дистанціи, но все-таки лучше помолчать, такъ думала княгиня, желая грозной мимикой зажать ротъ своему супругу, но огорченный князь на этотъ разъ былъ не находчивъ и продолжалъ въ миновомъ тонѣ:

— А если тебѣ что нужно купить къ празднику, то можно въ долгъ, или въ займы возьмемъ; мнѣ сколько и чего хочешь. Ксюшинька, дадутъ.

— Ну, братъ, князь, шалишь, возразилъ коснѣющимъ языкомъ докторъ:—ума тебѣ ужъ не дадутъ, нѣтъ, дудки.

— Да поѣзжай же, Васинька, что ты лошадей-то моришь! Николай Павлычъ, что, готово все?

— Все-съ, все готово... какъ же-съ... Ваше сіятельство, пожалуйста.

Князь, потерявъ всякую надежду остаться дома, озлобился и съ гнѣвомъ подступилъ къ доктору.

— Ты говоришь мнѣ не дадутъ... мнѣ не дадутъ, чего я хочу? Врешь!.. Я, братъ, съ мужикомъ милостивъ—не дерусь... и мнѣ всегда, что угодно...

Высшая сила, видя, что грозный взглядъ ея, производившій въ иное время на супруга магическое дѣйствіе, отражается теперь отъ изолированного рябиновкой и окисливагося, жиденькаго, черноватенькаго князька—потому она и рѣшилась употребить болѣе энергическое средство.

— Князь, поѣзжай, произнесла она, быстро повертывая отъ стола съ закуской тщедушнаго, неожиданно заплакавшаго мужа.—Это о чемъ еще?

— Прощай, Ксюша, всхлипывалъ Кукишевъ, иля отъ закуски въ переднюю, гдѣ дворовый челоувѣкъ принялся одѣвать его, какъ маленькаго ребенка.

Докторъ хотѣлъ тоже идти въ переднюю, но судьба, покачнувъ его, предоставила къ столу съ закуской, гдѣ онъ и принялся безсознательно выпивать рюмку за рюмкой, пока подкосившіяся ноги не уложили его на полу, тутъ-же у стола.

А въ это время, посреди двора и дворни, княгиня вытирала слезы и нѣжно лобзала рыдающаго мужа, который стремился, вмѣсто подножки, всунуть свою ногу

между ступицъ колеса, къ явному соблазну смѣшливой Дуньки. Сцена выходила очень грустная, какъ и надлежало быть прощальной сценѣ. Всѣ лица были настроены на этотъ ладъ, кромѣ сумрачнаго ямщика, озабоченнаго исчезновеніемъ новыхъ своихъ рукавицъ, и кучера Бориски, очень чѣмъ-то озабоченнаго около хомута лѣвой пристяжной.

Наконецъ, при помощи Николая Павловича и лакея, непослушныя княжескія ноги были водворены на подножки, а затѣмъ и въ тарантасъ. Казакъ ловко вскочилъ на козла.

— Ну, трогай.

— Рукавицы, парень...

— Чего рукавицы? пошелъ!.. понужай! И кулакъ казака пояснилъ практически смыслъ послѣдняго слова.

Тронули по вѣтмъ по тремъ, колокольчикъ зазвѣнѣлъ, и дворовой публикѣ оставалось только любоваться, какъ грустная супруга поднималась на крыльцо, утирая сухіе глаза. За ней двигалась не менѣе грустная Прасковья Степановна, супруга Николая Павловича, богъ вѣсть откуда вдругъ появившаяся.

Путешествующіе гораздо скорѣе утѣшаются, чѣмъ остающіеся дома. Но на этотъ разъ дѣло было иначе: не одну версту княжескія слезы, крупные какъ отборная рябина, на которой была настояна изобильно употребленная имъ наливка, капали на борта шинели; не одну версту провадыхалъ и среброкудрый ямщикъ, ощупывая кругомъ себя съ слабой надеждой отыскать улетучившіяся новыя рукавицы. А между тѣмъ кня-

жескій Бориско былъ уже утѣшенъ и спокойно сидѣлъ въ сосѣднемъ кабакѣ, сырыскивая свою находку, очень похожую на ямщицкія рукавицы, найденныя имъ случайно въ карманахъ своихъ вмѣстительныхъ штановъ. Еще скорѣе Бориски утѣшилась княгиня: ея звонкій хохотъ переливался по комнатамъ и заглушалъ заливающихъ кинареекъ. Ея обычная шутка сегодня вышла особенно остроумной: затворивъ дверь на крючокъ и спрятавъ въ карманъ платокъ, она сдѣлала быстрый пируэтъ къ опередившей ее Прасковѣ Степановнѣ и, схвативъ подолъ ея платья, накрыла голову послѣдней всѣми принадлежностями женскаго костюма. Цѣломудренная Прасковья Степановна, неуспѣвшая еще перестроить свою плачевную физиономію на болѣе отрадную, и боясь, что однимъ открытіемъ дѣло не ограничится, быстро повернулась лицомъ къ княгинѣ и открытымъ задомъ влетѣла въ залу. Изъ устъ ея готовъ былъ вырваться обычный протестъ:—«Ахъ, безстыдница княгиня», но не вырвался по обстоятельствамъ отъ нея независящимъ. Прасковья Степановна въ цѣломудренномъ своемъ стремленіи встрѣтила покойно почивающаго доктора, который и былъ покрытъ ея тѣломъ и въ придачу столомъ съ закусками, опрокинутымъ при помощи затылка злосчастной приживалки. Шутка, значить, была съ сюрпризомъ, и теперь, когда Кукишевскій лакей, Илья, съ супругою своею Марьей, стащили въ хозяйскій кабинетъ мирно спящаго доктора, убрали осколки битой посуды и перевязали раасѣченный затылокъ Прасковьи Степановны, Ксенія Матвѣвна ка-

талась по дивану и хохотала, вспоминая малѣйшія подробности своей милой шутки. Довольна и Прасковья Степановна, что такъ неожиданно и удачно потѣшила свою благодѣтельницу,—и много хорошаго предвидится ей въ будущемъ. Доволенъ Илья, успѣвшій при раздѣваніи безчувственного тѣла докторскаго взять малую толику изъ карманныхъ капиталовъ сего послѣдняго, унаслѣдованныхъ отъ мертвыхъ тѣлъ. Довольна даже и княжеская кухарка, Борискина супруга, потѣшаясь проказами смѣшливой своей Дуньки, представляющей, какъ плачущій баринъ лѣзетъ въ колесо.

Крѣпко спить сіятельный путникъ, въ качкомъ тарантасѣ, сладко спить и докторъ въ сіятельномъ кабинетѣ, еще крѣпче ихъ спить въ кухнѣ, за печью, спустившій рукавицы Бориско. Въ барскихъ комнатахъ тишина: послѣ припадка веселости на княгиню напала меланхолія, попробовала было и она соснуть послѣ обѣда, но не спится. Ея собесѣдница, употребляющая гигантскія усилія, чтобы скрыть зѣвоту и разодрать слипающіеся глаза, объявила, что и ей не спится, и сидитъ она въ углу, шевеля вязальными спицами и выжидая удобную минуту, чтобы адресоваться къ добрѣйшей княгинѣ насчетъ голубенькаго шерстянаго платья. Изъ него она сьумѣла бы смастерить себѣ такой нарядъ, что только носи, хвали, да моли Бога за благодѣтельницу. Оно хоть и ея благовѣрный имѣетъ свои доходы и даже изрядные, да въдь вашему сіятельству и слабость-то его извѣстна: запьетъ, такъ все до рубашки спуститъ,—такъ слагаетъ мысленно рѣчь Прасковья Степановна, бросая взгляды на хозяйку,

но все какъ-то не приходится громко заявить ихъ. Княгиня не въ духѣ; она тоже ваялась было за работу, но чрезъ нѣсколько минутъ свернула ее въ комокъ и пустила въ смирно спавшаго кота, который и унесся въ другую комнату. Протянула было руку къ столу, на которомъ покоилась вся ея библіотека: Параша Сибирячка, альманахъ — Утренняя Заря, Оракуль, Ледяной домъ и Полный Новѣйшій Пѣсенникъ, но раздумала, и теперь, опершись на окно, сидитъ и смотритъ на пустую улицу, на длинный сѣрый заборъ, изъ-за котораго виднѣется церковь, въ настоящую минуту посылающая монотонный, великопостный призывъ: къ намъ... къ намъ... къ намъ.

Прасковья Степановна попробовала захватъ, чтобы напомнить свое паденіе и тѣмъ подновить гомерическій смѣхъ, но напрасно — смѣху не послѣдовало, а только капризное:

— Ну, захныкала!..

— Да болить.

— Ну, примочи водкой... надоѣла!

Снова молчаніе.

Къ намъ, къ намъ, къ намъ, зачастилъ церковный колоколъ и замолкъ.

— Куда этотъ журавль все мимо ходить? замѣчаетъ про себя Ксенія Матвѣевна, слѣдя глазами за широко шагающимъ, длиннымъ молодымъ человѣкомъ.

— Хи-хи-хи! а точно, что журавль, только носъ покороче... Куда? Да къ несчастнымъ, къ Мурашеву этому—дѣвчонку-то рисовать учить. А какую я про

него исторію нонеча узнала отъ хозяйки его, смѣхъ... У него есть зазнобушка. Да это еще ничего, дѣло молодое, только живетъ-то она въ Пельмени, 80 верстъ вѣдь отъ сюдова-то. Такъ онъ что-же: со службы въ субботу-то придетъ—верхомъ сейчасъ и къ ней, а въ понедѣльникъ утромъ опять сюда.

— Ну, такъ чтоже?

— Да ничего, смѣшно.

— А смѣшнѣе этого ничего нѣтъ?

— Да вы чего-же это, прости Господи, сглазилъ васъ, что-ли, кто? Ужъ не поворожить ли, какъ наши ненаглядные ѣдутъ?

— Отстань ты со своими ненаглядными. Поди-ко лучше вели чай подавать.

Явился и чай подъ предводительствомъ равеной Прасковьи Степановны, а за ней вкатился въ комнату неожиданный и проспавшійся докторъ. Станнымъ свойствомъ обладалъ этотъ докторъ: именно, стоило ему сѣсть куда-нибудь въ уголъ или выйти изъ комнаты и о немъ забывали совершенно, такъ что каждое его появленіе вызывало восклицаніе неожиданности, словно онъ неожиданно-негаданно возвратился съ луны, куда ѣздилъ экстренно для вскрытія мертваго, неизвѣстно кѣмъ подброшеннаго, тѣла. Нѣтъ ничего удивительнаго, что жители Полуторовска хворали и умирали ни разу не вспомнивъ, что есть у нихъ Иванъ Павлычъ, который, угостивъ его какою-нибудь микстурой, спасетъ отъ смерти и возвратитъ имъ прежнее ихъ здоровье, могущее выдерживать полуведерныя попойки и полупудовые кулаки пріятелей.

— А, докторъ! встрѣтила его княгиня, — чаю хотите?

— Не знаю-съ... голова что-то болить... я у князя соснулъ порядкомъ... Онъ уѣхалъ уже?

— Да, уѣхалъ давно.

— А не угарно-ли у васъ? голова что-то болить.

— Вы бы цина холодного выпили... помогаетъ, замѣтила Прасковья Степановна.

— А что, въ самомъ дѣлѣ... вы говорите: помогаетъ?

— Помогаетъ, а то и рюмку водки, тоже хорошо.

— Тоже, говорите, помогаетъ, попробовать развѣ?

Княгиня приказала подать водки. Докторъ помнилъ пословицу: «вѣкъ живи и вѣкъ учись» и очень любилъ расширять свои медицинскія познанія, узнавая, что отъ чего помогаетъ и часто за свою любознательность награждался хорошими результатами. И теперь лекарство, принятое по совѣту Прасковьи Степановны, подѣйствовало на него благотѣльно: онъ повеселѣлъ и, потирая руки, обратилъ вниманіе на повязку приживалки.

— Упала, да разсѣкла затылокъ.

— Ну, и чтоже вы сдѣлали?

— А паутина, да вино съ уксусомъ.

— И чтоже, помогло?

— Облегчило.

— Это, значить, хорошо. Такъ князь-то уѣхалъ?.. хмъ!

Въ передней раздался стукъ.

— А это, полагаю я, не меня ли къ больному ищутъ? неожиданно самообольстился незамѣчательный докторъ.

Княгиня не отвѣчала. Она, сдвинувъ брови, прислушивалась къ говору въ передней, но вскорѣ сдѣлала кислую мину: чрезъ залу шагаль видный мужчина въ мундирѣ городничаго.

— Здравствуйте, княгиня. А, и докторъ здѣсь! Ужь не больны-ли?... Ха-ха-ха! А пречертовская скука: къ кому не заявишься, всѣ говѣютъ; такія постныя личики, что ужаси! Дай, думаю, сюда... анъ, князь удралъ... Ну, да ничего. А! это чай? хорошо-сь, и ромашка тутъ. Вотъ съ ромкомъ-то въ постъ-то бы и не слѣдовало.

— Это вѣдь не сливки.

— Я шучу-сь... шучу... Новый-то протопопъ, говорятъ, на этотъ счетъ строгой, не то что покойникъ: тотъ былъ душа человѣкъ и покутить мастеръ былъ. А этотъ чудныя исторіи выкидываетъ,—сосѣдъ вѣдь мой, значить все извѣстно начальнику города.

— А что такое? полюбопытствовала княгиня.

— Да все-съ касательно показанія своей святости: попъ привезъ ему на поклонъ курицъ, ну-сь, и пустилъ по двору, а онъ и заставилъ его же самого ловить, да такъ съ курицами-то и спровадилъ—обидѣлъ просто.

— Значить больше деньгами? спросилъ докторъ.

— Нѣтъ, говорятъ, и съ деньгами спроваживаетъ.

— Больно богатъ, значить?

— Ну-сь, что-то не видно. Видѣлъ я его старшую дочь въ церкви—холстинковое платье-сь... я думалъ горничная чья либо затесалась впередъ, квартальному и говорю: «Тутъ, молъ, благородные стоятъ, оттащи-ко за подохъ подальше.»—«Это, говоритъ, ваше в-б-іе, прото-

попская дочь.» Гляжу: ничего, хорошенькая. Да это пусть себѣ тамъ святаго корчить,—ничего не беретъ, намъ больше останется. Ха-ха-ха! А только то скверно, что онъ съ этими посельщиками дружится. Какъ бы то ни было, онъ все-таки хоть межъ попами-то лицо первое, и саву своего ровнять не долженъ. Еще-съ позвольте, княгиня, стаканчикъ: ромъ у васъ хорошій... Мнѣ этотъ мерзавецъ Полуяновъ прислалъ какого-то настою изъ клоповъ... Ну-съ, такъ я говорю, что съ посельщиками-то этими ему за панибрата пожалуй еще и не позволять обходиться. Они и то, въ послѣднее время, что-то носъ задирать начали.

— Да они вѣдь ничего, люди смирные, замѣтилъ докторъ, нечаянно ухнувшій въ себя излишнюю порцію рому, при чемъ укоризненно покачалъ головой.

— А посмотрѣлъ бы я, какъ бы они были у меня не смирными! вспылить городничій Квасовъ.—И зачѣмъ ихъ только въ мой городъ послали!.. Чортъ вѣдь... извините сударыня, кто вѣдь ихъ знаетъ, что они тутъ замышляютъ, лепечутъ по французскому. Лягушкинъ вонъ столбъ себѣ какой-то сдѣлалъ, да и лазить на него.

— Это онъ погоду—вѣтеръ наблюдаетъ.

— Ну, вы ученый человекъ, такъ у васъ все вѣтеръ... А губернаторъ пріѣдетъ, спросить, почему не донесъ? А какъ донесемъ? Можетъ это скворешница. А вонъ при моемъ предшественникѣ, рассказываютъ, когда ждали сюда высокаго гостя, у Кандалицова пу-

печный лафетъ на колесахъ нашли. Хорошо, что покойникъ догадался приказать изрубить ихъ.

— А то что-бы было?

— Что-бы! Что-бы!

Княгиня зѣвнула. Очевидно, что многорѣчіе виднаго Квасова ее не занимало. Онъ поспѣшилъ, какъ любезный кавалеръ, переменить тему, и очень игриво рассказалъ, какъ они вчера собрались къ инвалидному командиру, подкутили тамъ, и какъ онъ, инвалидный, преуморительно представлялъ влюбленную корову, а подкутившій стряпчій чуть ему усы не спалилъ. Рассказъ былъ настолько игривъ, что окончился общимъ громкимъ хохотомъ, изъ-за котораго и не примѣтили вновь явившагося гостя. Это былъ молодой господинъ съ свѣтлыми бакенбардами, юркій Иванъ Ѳедоровичъ Огурцовъ, мѣстный судья и кутила.

— Ей Богу... Ей Богу... Ей Богу, зачастилъ онъ,— и не зналъ, не зналъ... досадно, князь уѣхалъ... а дѣло было. Имѣю честь кланяться, княгиня.

— Прошу покорно садиться. Не прикажете-ли чаю?

— Премного благодаренъ... пилъ... Нашъ неусыпный градоначальникъ уже здѣсь. А, и вы докторъ! Какъ ваше здоровье?

— Не ваше дѣло, отвѣтилъ мрачно докторъ.

— Ха-ха-ха! разразился городничій.—Такъ, такъ... каждый знай свое мѣсто: судья—суди, а докторъ—о здоровьи спрашивай.

— Такъ и кажется, что быть ему въ раю, ворчалъ

докторъ, направляясь къ только-что поданной закускѣ. Сюда, по приглашенію хозяйки, послѣдовали и судья, и городничій, чтобы, заморивъ червячка, засѣсть за зеленый столъ для переложенія изъ одного кармана въ другой благопріобрѣтенныхъ финансовъ.

ГЛАВА V,

хотя и фантастическая, но до малѣйшихъ подробностей истинная.

Наскучивъ пустынной, длинной, главной улицей г. Полуторовска, глазъ съ удовольствіемъ останавливается на двухъ березовыхъ рощахъ, раздвинувшихся по обѣимъ сторонамъ дороги, чтобы выпустить очумѣвшаго Полуторовца на поля нашей, всѣмъ извѣстной, незатѣливой русской природы. Особенно хороша была лѣвая роща. Передъ ней, словно очерченное циркулемъ, лежало небольшое озерко, въ которое, какъ въ зеркало, смотрѣлись деревья съ вершинами, усѣянными гнѣздами га-локъ. На берегу этого озера, пріютившись между деревьями чернѣло старинное, развалившееся зданіе съ балконами и террасами, отъ которыхъ точеныя балясины поступили во владѣніе молодого поколѣнія сосѣдней деревеньки—Карнаушки и употреблялись имъ для сбиванія городковъ.

Неизвѣстно было, кому принадлежалъ этотъ домъ,

да никто этимъ и не интересовался: граждане Полуторовска, переспавъ томительный дневной жаръ и освѣжившись кваскомъ, медкомъ или чайкомъ, предпочитали зеленой рамкѣ свѣтлаго озерка—зеленые столы. Карнаушинскіе же старцы собирались сюда иной разъ покалякать о болѣе интересныхъ для нихъ предметахъ и на археологическія изысканія времени не тратили. Молодое же поколѣніе этой миниатюрной мѣстности и безъ распросовъ знало очень хорошо, что тутъ живетъ нечистая сила, и, лишь только наступали сумерки, какъ всѣ эти здоровые мальчуганы, изъ которыхъ каждый не задумался бы съ топоромъ встрѣтить волка, отступали отъ развалины и усаживались поближе къ озерку.

Былъ славный теплый вечеръ. Это былъ канунъ праздника и карнаушинскіе мальчуганы, вышедшіе изъ бань и рассчитавъ, что на работу ихъ завтра не погонятъ, составили группу около озерка. Наскучивъ разными олимпійскими играми, пересыпаемыми русскими потасовками и крѣпкими словцами, они сидѣли миротворно и вели тихую бесѣду. Тутъ были представители разнаго возраста отъ 10 до 18 лѣтъ включительно. Рѣчь мальчугановъ, не смотря на поэтическую обстановку, не смотря на полную свѣтлую луну на темно синемъ небѣ, отражающуюся въ озерѣ съ одного только дальняго края, подернутаго бѣлымъ флеромъ тумана, не смотря на здоровый запахъ, только что распустившейся рощи, не смотря на все это,—рѣчь мальчугановъ была самага матеріальнаго свойства и шла о кулннарномъ искусствѣ.

— Поди ты къ лѣшему, зубатился зубастый и черномазый Петрушка Толстыхъ:—съ твоей теткой Маланьей! Чего она знаетъ... Нѣтъ, ребята, я вотъ въ городѣ новѣ гряды наймовался у купца копать, такъ вотъ пироги-то ѣлъ, такъ пироги!

— Еще-бы въ городѣ! Тамъ одно слово — жрутъ, глубокомысленно замѣтилъ рыженькій Костька Молотилловъ.—Вотъ Ванька уже отожрется тамъ въ батракахъ-то,—такое-же пузо-то будетъ, какъ у нашего головы.

— У нашего головы, братцы, блины да алады въ пузѣ-то, вернулъ свое замѣчаніе самый младшій.

Но его замѣчаніе, какъ недорослаго еще до права подавать свой голосъ, оставлено было безъ вниманія, и публика обратилась къ сидѣвшему поодаль задумчивому малому съ красивымъ лицомъ.

— Ты развѣ совсѣмъ порѣшилъ въ батраки-то?

— Порѣшилъ, отвѣчалъ Ванька, обнявъ свои колѣни, тихо покачиваясь и смотря куда-то въ даль своими большими карими глазами.

— А мать-то?

— Мать въ стряпки туда-же.

— Ну, пострѣлъ... началъ снова зубастый, очевидно, считавшій себя непогрѣшимымъ судьей въ дѣлѣ гастрономіи, по причинѣ съѣденныхъ имъ купеческихъ пироговъ.—Чего твоя мать-то умѣетъ стряпать-то? Станетъ графъ стряпню вашу ѣсть!

Публика захохотала. Ваньку передернуло.

— Чего зубы-то полощете?.. У графа, поди, поваръ... Тоже жрутъ!.. Мать-то для кухни будетъ стряпать.

— А сколько жалованья-то?

— Три рубля.

— Врешь?!

— Чего врать-то.

Публика, смотрѣвшая на Ваньку Сѣрыхъ, какъ на сына вдовы, въ былое время побиравшейся въ городѣ, какъ на владѣльца развалившейся въ концѣ деревни черной лачуги, при этомъ извѣстїи взглянула иначе— съ нѣкоторымъ уваженіемъ. Три рубля на ассигнаціи казались капиталомъ, а еще, пожалуй, какъ надѣветъ синій кафтанъ, да зеленыя графскія рукавицы, такъ на нихъ и смотрѣть не станеть. Нѣкоторымъ даже завидно стало. Особенно сильно было это чувство въ Митькѣ Бурлаковѣ, въ зеленомъ золотушномъ парнѣ, съ жесткими рыжими волосами и въ ситцевой рубахѣ. Карнаушинскій аристократикъ, сынъ богатаго мужика, по своей болѣзненной раздражительности, не могъ хладнокровно видѣть, чтобы кому-нибудь и что-нибудь удавалось.

— Не пошелъ-бы я въ батраки къ посельщику, хоша-бы его и графомъ величали, произнесъ онъ, стараясь усмѣхнуться.

— Пошелъ бы, кабы отецъ-то твой міру не ограбилъ... въ солдаты бы пошелъ, не то што въ батраки, возразилъ Ванька, по прежнему всматриваясь въ даль.

— Нѣтъ, ребята, звонко началъ Костя Молотиловъ:— мы Митрія Ильича и не пустили-бы отъ себя, ни за што-бы его не пустили.

Митрій Ильичъ разсвѣлъ: рѣдко ему удавалось слы-

шать доброе слово отъ ребятъ, а особливо отъ забіяки Кости.

— А на коего онъ намъ... твой Митрій-то Ильичъ?

— Какъ на коего? А кто у насъ воронъ-то пугать будетъ? Гдѣ такого красавца сыщешь?

Громкій хохотъ компаніи, отдавшійся эхомъ по рощѣ, увлекъ даже серьезнаго Ивана.

— Слышь, ребята, лѣшій-то какъ въ рощѣ ржегъ, замѣтилъ молчавшій до сихъ поръ сынъ кузнеца, Алексѣй Часовщиковъ.

— Лѣшій! усмѣхнулся рядомъ сидѣвшій съ нимъ скептикъ Васильевъ.

— А кто, небось, по твоему?

— Да никто... А эго такъ... чего крикнешь и въ лѣсу тоже откликнется.

— Да кто тамъ откликнется-то, дура голова?

— Да никто... такъ ужь, значить, откликнется.

— Откликнется,—не совался бы. Подико-сь. видали лѣшаго-то... Маланью-то кто извелъ?.. поди-ко, спроси...

Маланья была извѣстная всѣму городу и Карнаушкѣница, спѣшившая пропить все, что попадало ей въ руки прямымъ и косвеннымъ путемъ. Часовщиковъ затронулъ общее любопытство и, побуждаемый общими просьбами, принялся рассказывать про Маланью, при чемъ, какъ добросовѣстный историкъ, поспѣшилъ указать на источники, откуда онъ пользуется сообщаемыми свѣдѣніями. Источникъ этотъ—его мать, бывшая подруга Маланьи.

— Маланья, ребята, была такая дѣвка... такая красивая, что приказные ходили изъ городу къ намъ на ка-

пустку, нарочно ходили, чтобы ее видѣть. Одинъ даже на ней жениться хотѣлъ... ей Богу... Да она говорить: наплевать мнѣ на него, на красноносаго... Она богомольная такая была, все въ городъ, въ церковь ходила кажинной праздникъ, все въ церковь... Хотѣла въ стряпки наняться, чтобы ближе, значить, было къ церкви, — да свои не пустили. А лѣтомъ все въ лѣсъ, да въ лѣсъ; поздно придеть, не обѣдавши — не хочу, говорить... ну, а тутъ вдругъ захворала — вѣситься хотѣла, — съ веревки сняли... Ее знахарь лечилъ... ну, а потомъ и пропала. Думали утопла... здѣсь палками въ озерѣ-то искали, а она по неснѣ вдругъ и спить на дворѣ: чрезъ полгода, значить, воротилась; спить пьяная, ну и пьетъ и теперь.

— Ну, а про лѣшаго-то? сказывалъ — лѣшій ее загубилъ.

— А то кто? она вѣдь и рассказывала. Онъ ее верстъ за 80 увелъ, тамъ и держалъ, а ей все казалось, что дома живетъ. Только руки не поднимались молиться... Разъ, говорить, лѣшаго-то не было, она перекрестилась, — посмотреть, а она въ Пельмени. Ну, и пошла домой. А онъ ее, слышь ты, все водкой поилъ, а ей казалось квасъ; ну и привыкла. Такъ ты вотъ ее спроси, какой такой лѣшій-то.

— А какой онъ?

Разскащикъ принялся за описаніе наружности лѣшаго, но слушатели остались неудовлетворенными его рассказомъ.

— А что, правда, али нѣтъ, что ты, Ванька, черта видалъ? обратился Молотилловъ къ будущему батраку.

— Видалъ.

— Ну? Неужели? зашумѣла компанія и подползла поближе къ оконфузившемуся, отъ общаго вниманія, Ванькѣ. Всѣ знали, что серьезный Иванъ обманывать не станетъ, и вотъ представился случай отъ такого вѣрнаго человѣка, получить свѣдѣнія о такомъ популярномъ баринѣ, который можетъ въ послѣдствіи заставить лизать разные каленныя вещи.

— Расскажи... ну, расскажи... и молчать, разѣ приказалъ молчать?

— Нѣтъ... насъ вѣдь много видѣло... мы убѣгли, началъ, заикаясь отъ непривычки говорить предъ избраннымъ обществомъ, Ваня.—Я зимой у дяди жилъ, въ Томиловой... ну, тамъ на рѣчкѣ видѣлъ съ Миколкой, съ Михалкой, да еще парни были. Погнали на прорубь лошадей поить, — обѣ вечеръ дѣло было. Лошади-то пьютъ, а Миколка и говоритъ: ребята, смотри. Онъ изъ за кустовъ по льду-то и летитъ. Мы перекрестились... а онъ ничего—летитъ прямо на насъ: мы на коней, да какъ пошли, да какъ пошли. Миколка шапку потерялъ.

— Не догналъ?

— Да гдѣ догнать!

— Ишь ты, креста не спужался!

— Може это не онъ, а собака, али ворона, возразилъ скептикъ.

Иванъ засмѣялся.

— Съ руками-то, да съ ногами собака, али ворона?!

— А роги-то были? Да ты толкомъ Расскажи, какой онъ?

— Черный весь, голова вострая, сзади крылья, съ Петрушку ростомъ.

Петрушка съ чего-то обидѣлся, но публика требовала продолженія.

— Ногами не шевелить, а такъ и несется по льду-то, только руками машеть.

— А хвостъ?

— Ну, хвоста не видалъ.

— Да вѣдь онъ на нихъ летѣлъ, а хвостъ-то сзади, резонно пояснилъ Молотиловъ. — Да ну васъ, къ ночи-то, я съ хвостомъ-то вмѣстѣ!

Молодое поколѣніе, занятое бесѣдой о такой подирающей по кожѣ матеріи, не замѣтило, что герой важнаго разсказа, съ маленькимъ чемоданчикомъ за плечами, съ небольшимъ заступомъ и облитый съ одной стороны яснымъ мѣсяцемъ, усталыми шагами приближался по окраинѣ озера къ бесѣдующимъ. Это былъ Лягушкинъ, — въ одинъ изъ зимнихъ вечеровъ несшійся по льду и спугнувшій молодцовъ, появившихъ коней. Но еслибы Ивана, подѣ присягой, спросить: не Лягушкина-ли онъ тогда видѣлъ? то онъ могъ-бы, по чистой совѣсти, сказать, что нѣтъ. Такъ эффектенъ и могучъ былъ тогда на конькахъ Лягушкинъ и такимъ сгорбленнымъ, въ своей сѣрой курточкѣ, шелъ онъ теперь по берегу, опираясь на свой маленькій заступъ.

Неожиданное появленіе его между мальчуганами произвело большой эффектъ: струсили всѣ. Золотушный Митрій, прошептавъ: «колдунъ», послѣдовалъ къ деревнѣ;

прочіе замолкли и испуганно смотрѣли на подходящую фигуру. Здоровенные ребята, настроенные бесѣдой на чертовщину, при видѣ Лагушкина, известнаго въ окрестныхъ деревняхъ подъ именемъ колдуна, почувствовали себя скверно. Нѣкоторымъ показалось холодно, другіе неожиданно припомнили, что пожалуй лаяться будутъ дома: засидѣлись, молъ, до полночи,—и встали съ своихъ мѣстъ. Остались только трое—гастрономъ зубастый, Молотиловъ, да Ванька. Имъ, очевидно, хотѣлось быть героями и на завтра хохотать надъ трусами, хотя и самимъ было жутко.

— А вамъ чтоже, не хочется спать? смѣясь, спросилъ Лагушкинъ, подсаживаясь къ трію.

— Чего, спать-то? выспимся еще—не баре, замѣтилъ Молотиловъ.

— Развѣ только барамъ и спать?

— А чего имъ больше дѣлать,—ѣсть да спать.

Лагушкинъ внимательно взглянулъ на мальчика, добродушная фізіономія котораго ясно показывала, что въ его словахъ сказывалось убѣжденіе безъ всякой ироніи.

— Ты грамотный?

— Нѣтъ.

— Отчего-же не учишься, развѣ не хочется?

— Нашто намъ... насъ и дома деруть ладно.

— Развѣ непременно драть надо, чтобы грамотнымъ сдѣлать?

— Не поймешь, такъ зато... Не надо, на што намъ грамота-то!

— Ты парень умный, а съ грамотой-то тебя каждый купец въ прикащики возьметъ... Ты посмотри на нашихъ купцовъ-то, всѣ почти изъ деревень ребятами пошли... Честно, да хорошо будешь жить, такъ и самъ современемъ купцомъ будешь.

Лягушкинъ сразу, хотя и нечаянно, попалъ въ больное мѣсто мальчугану: ему не разъ мечталась геройская жизнь, сидя верхомъ на лошади и таская по вспаханному полю борону. Костюшка задумывался о другой, менѣе тяжелой и болѣе обезпеченной жизни, и вдругъ колдунъ узналъ его завѣтную думушку, и пришелъ даже дорогу показать. Костя задумался. «Нѣтъ, трудно... не поймешь», закончилъ онъ свои размышленія.

— Тебѣ который годъ?

— Четырнадцатый.

— Ну, погоди, черезъ полгода, а можетъ и раньше, мы выстроимъ у собора школу, и если твой отецъ тебя отпуститъ, такъ приходи... попробуй: драть тамъ не будутъ.

— Отецъ-то отпустить.

— Ну, и конечно дѣло. А ты не хочешь учиться? обратился Лягушкинъ ласковѣ обыкновеннаго, смотря на симпатичное лицо Вани.

— Нѣтъ.

— Онъ въ батраки нанялся, пояснилъ гастронормъ. Я, пожалуй, пойду, коли драть не будете; я азъ... буки... до земли ужъ знаю.

Лягушкинъ повеселѣлъ. Распросивъ двухъ прозелитовъ о мѣстѣ ихъ жительства, онъ записалъ фамилія

и пошелъ въ городъ. Весело шелъ по длинной и пустой улицѣ Димитрій Ивановичъ, такъ звали Лягушкина. Молотиловъ значился въ его списокѣ уже двадцатымъ охотникомъ, и всѣ эти 20 изъявили желаніе сами: кто хотѣлъ поскорѣе узнать какіе такіе люди да города есть на свѣтѣ; кто мечталъ о будущей писарской карьерѣ; кто хотѣлъ поскорѣе научиться, какъ мельницы разныя да машины строить. Отличаясь способностію сходитьсѣ съ простымъ народомъ, Лягушкинъ дѣйствовалъ на мальчугановъ съ разныхъ сторонъ и умѣлъ показать грамогу, какъ двери къ интересному практическому знанію. Сойдясь со вновь прибывшимъ протопопомъ, онъ двинулъ быстро свою давнишнюю мечту, и въ соборной оградѣ былъ уже готовъ фундаментъ школы. не разъ посѣщаемый будущими завербованными учениками.

Работало головой наше тріо, возвращавшееся въ Карнаушку. У Молотилова еще назойливѣе прежняго копошилась мысль о городской жизни. Всѣ его неопредѣленныя мысли волновались, и передъ нимъ стоялъ идеаль: онъ, Молотиловъ, толтсый купецъ, любитъ своей толстой фізіономіей въ ярко вычищенномъ самоварѣ, величиною чуть не съ овинъ дяди Вавилы.

Гастрономъ раздумывалъ: какъ это Лягушкинъ умудрится безъ парки втемяшить ему грамоту. Овъ непрочъ бы былъ выучиться у него и колдовству, — кого захотѣлъ бы тогда, того и скрючилъ, и передъ нимъ встала грустная сцена: толпа мужиковъ стоитъ безъ шапокъ, какой-то баринъ кричитъ, потомъ вдругъ хватается за бороду его

отца и кулакомъ начинаетъ бить его по лицу... Вспоминается ему глухой стонъ—далѣе онъ ничего не помнитъ.

У Ивана въ головѣ проносился цѣлый рядъ картинъ изъ прожитаго дѣтства: вотъ онъ, полузамерзшій, ходитъ за матерью отъ воротъ къ воротамъ, отмахиваясь палкой отъ бросающихся на нихъ собакъ; ходятъ цѣлый день, цѣлый годъ, пока ихъ не пристроилъ богатый дядя, т. е. не взялъ ихъ къ себѣ и не завалилъ его мать работой изъ за куска хлѣба и за нѣсколько лѣтъ терпѣливаго, безропотнаго труда,—не помогъ полуразвалившуюся лачугу привести въ состояніе, неугрожающее задавить своихъ жильцовъ. Вотъ они на базарѣ продаютъ уже свою капусту, рѣду, лукъ и морковь, и, боже мой, какимъ богачемъ считалъ онъ себя, неся домой вырученные копейки, и какъ онъ энергично возставалъ противъ желанія матери купить ему, только одному, калачъ: «покупать такъ обоимъ», горячился онъ, размахивая руками. И жаль ему стало и своего прошлаго, и своей конуры.

— Ты еще не спишь, майныка? изумился онъ, подходя къ своей лачугѣ и видя свою мать у выставленнаго окна, облитую луннымъ свѣтомъ. Эта не старая еще, но изможденная трудами, да заботами женщина представляла великолѣпную Рембрандовскую фигуру на темномъ фонѣ.

— А не спится, Ванюшка; тебя поджидала.

— Э! да ты полъ мыла, еще больше удивился сынъ, входя въ миниатюрное свое жильѣ и замѣтивъ свѣтлое

изображеніе окна на чисто выскобленномъ полу.—Ты для чего майныка полъ-то мыла? Мы завтра уйдемъ.

— Жаль избу-то покинуть, такъ пусть, Ванюшка, она ва насъ не судачить—чистой хоть оставимъ... Все што-то сердце сосеть... не живали мы по госпо-дамъ-то, поди бить будетъ, да ругаться...

— Ну, пошто... А у меня тоже что-то сердце-то сосеть.

— А ты поѣшь, я вонъ тебѣ поставила.

— Ладно...

И помолившись въ темный уголъ, Иванъ усѣлся за нероскошную трапезу. Зубастый гастронормъ былъ правъ, предполагая, что графъ не станетъ ѣстьстряпню Ванькиной матери, по крайней мѣрѣ, врядъ-ли бы онъ сталъ ѣсть то, что было на столѣ, передъ Иваномъ: тутъ былъ въ деревянной чашкѣ, наполненной пѣвящимся квасомъ, толченный, зеленый лукъ, и около деревянной, растрескавшейся и склееной тряпками солонки лежалъ большой ломоть хлѣба и прошлогодняя рѣдька. Но Иванъ не былъ графомъ, и скоро показалъ какой полинялый узоръ былъ на днѣ старой чашки, и съ тѣмъ-же завиднымъ аппетитомъ принялся за рѣдьку.

— Люблю я эту рѣдьку, майныка.

— Ъшь на здоровье.

— Пущай только графъ насъ кормить, а ужъ мы ему покажемъ какъ работаютъ-то, засмѣялся онъ съ удалю, работая теперь ровными, бѣлыми зубами дѣйствительно молодецки.—Покажемъ ему!.. Такъ, майныка,

буду дрова рубить, што штепки-то къ намъ въ озеро полетятъ.

Мать улыбнулась, слушая своего пятнадцатилѣтняго любящаго.

— Онъ, маинька, графъ-то, сказалъ: хорошо будешь работать—жалованья прибавлю. Ты ужъ только, значить, прибавляй, а мы тебя уважаемъ, продолжалъ Иванъ, замѣтивъ улыбку матери и стараясь окончательно развеселить ее. Искусившійся наблюдатель могъ бы замѣтить не совсѣмъ-то натуральную удалъ въ его порывистомъ размахиваніи руками.—Мы, маинька, денегъ накопимъ, да избу-то эту такъ поправимъ, што на тебѣ... Я ужъ, значить, поправлю ее,—избу-то, ты только потомъ на полатяхъ лежи... Мы, значить, горницу пристрѣимъ... въ огородъ, до морковной гряды, такъ и хватимъ ее—горницу-то.

— Охъ ты, ужъ и горницу! крышу ва-перво бы исправить.

— Крышу не дорого... вонъ у дяди при мнѣ крышу-то дѣлали... не дорого.

Окончивъ свою трапезу, Иванъ отправился на покой, во переступая порогъ, обернулся назадъ.

— Я сегодня колдуна видѣлъ.—идеѣлъ къ намъ къ озеру... ребята-то убѣгли. Костыка да Сенька идуть къ нему грамотъ учиться... меня звалъ... Что онъ, маинька, вѣряетъ колдунъ штоли?

— Господь его вѣдаетъ... говорить... Видѣла оном-

нясь его въ лѣсу: траву рветъ, въ ящикъ кладетъ, корни копаютъ.

У нашего Вани подушка вертѣлась подъ головой: долго не спалось ему. Только передъ утромъ, когда во всѣ щели убогихъ сѣней, служившихъ ему спальней, брызнулъ солнечный свѣтъ, онъ заснулъ; но короткий сонъ не успокоилъ разболѣвшей его головы. Страшное что-то приснилось ему, такое страшное, что онъ съ крикомъ вскочилъ съ травы, прикрытой его зипунишкомъ. Холодный потъ прилѣпилъ къ блѣдному лицу его пряди волосъ. Быстро онъ началъ креститься, тяжело дыша и усиливаясь вспомнить что такое приснилось ему; но не тутъ онъ вспомнилъ свой страшный сонъ, вспомнилъ онъ его потомъ, — въ день своего совершеннолѣтія, на страшномъ мѣстѣ, въ страшную минуту своей жизни.

Мать его была уже на ногахъ, и вскорѣ около озера бодро шагали двѣ фигуры — мать съ сыномъ, неся небольшой ящикъ, войлокъ и двѣ тощія подушки. Веселый крикъ грачей носился надъ рощей; въ самой же рощѣ безумолчно щебетали какія-то пичужки веселаго характера. Все привѣтствовало отличный день, и, казалось, желало отличной жизни двумъ шагающимъ путникамъ, — только двѣ длинныя тѣни тянулись отъ ногъ ихъ по зеленому берегу и цѣплялись головами за бѣлые стволы березъ, словно желая удержаться. Да, хорошо бы это было, если-бы какая-нибудь мощная рука преградила этотъ путь. Но не будемъ забѣгать впередъ, а обратимся лучше къ ихъ будущему хозяину.

Нѣкогда графъ Кабанскій, теперь же лишенный

всѣхъ правъ, кромѣ права жить и мыслить, онъ жилъ въ г. Полупоровскѣ подѣ бдительнымъ надзоромъ галантерейнаго нашего знакома, городничаго Квасова.

Ненасытная жажда воли, заявленная имъ съ оружіемъ въ рукахъ, чрезъ многія мытарства довела его до этого тихаго пристанища. Замерла-ли она въ немъ тутъ, какъ замерла долго неугасавшая надежда воротиться къ страстно любимой имъ матери, на столько страстно, на сколько страстно онъ ненавидѣлъ всякаго русскаго, — это неизвѣстно.

Необходимость же сблизила его съ русскими, сначала съ чиновнымъ міромъ, но вскорѣ появились туда же люди, судьба которыхъ была сходна съ его судьбой, и между ними завязалась дружба, и ненависть къ имени русскому начала мало по малу исчезать. Не безслѣдно прошла для него жизнь: не одинъ сѣдой волосъ серебрилъ его виски, не одна глубокая морщина лежала на невысокомъ его лбу и въ красивыхъ глазахъ его было выраженіе, могущее заставить задуматься опытнаго психіатра. Тревожные годы оставили ему нетронутой только его громадную силу: его желѣзная палка не всякому была подѣ силу и съ ней онъ не разлучался даже ложась спать, такъ какъ разстроенное воображеніе его представляло ему разныя покушенія на его жизнь.

Въ настоящее время онъ жилъ въ своемъ домикѣ, дѣля досугъ свой между цвѣтами, токарнымъ станкомъ, Библией и фортепіано.

Вотъ кто былъ будущій хозяинъ Ивана и его матери. Къ его-то воротамъ подходятъ двѣ фигуры, влача за

собою длинныя утреннія тѣни, цѣпляющіяся за каждый листокъ травки, за каждый камышекъ, словно желая удержать ихъ, чтобы они не переступали роковой калитки. Но они смѣло переступили ее и разомъ очутились подъ вѣтвями, густо разросшейся подъ окномъ, старой черемухи наконецъ. Тѣни ихъ исчезли.

ГЛАВА VI.

Нѣчто о булавочныхъ уколахъ.

На террасѣ, примыкающей къ извѣстному уже намъ сѣренькому домику Мурашева, были его обычные воскресные гости.

Самъ Мурашевъ возился около самовара и велъ рѣчь о томъ, что никто не съумѣетъ сварить кофе такъ, какъ сварить его онъ, хотя улыбка Матрены Кондратьевны—жены его и валагала малую тѣнь сомнѣнія на его самохвалство. Низенькій пожилой господинъ, въ рыжемъ своповидномъ парикѣ, привязанномъ ленточкой подъ подбородкомъ, во фракѣ—покроя 12-го года, съ коротенькой трубкой во рту, флегматически смотрѣлъ на шахматную доску, на которой партнеръ его Кабаньскій только что двинулъ ферзя. Дмитрій Ивановичъ Лагушкинъ сидѣлъ на перилахъ террасы, доказывая возящимся около него дѣтямъ, что куда пролѣзетъ голова, туда пройдетъ и все тѣло. Понудительной причиной афоризма былъ пузатый мальчуганъ, братъ жены Мурашева, застрявшій между

балясинами перилъ. Двое другихъ мальчиковъ ожидали благополучнаго исхода этого дѣла, чтобы самимъ сидѣть тоже. Въ углу, на деревянной зеленой скамьѣ сидѣли хозяйка дома, Василиса Александровна Кандальцева и Илья Яковлевичъ—молодой протопопъ. Кофе было готово и всѣ нашли его, дѣйствительно, отличнымъ.

Дѣти понеслись въ садъ, а Лягушкинъ съ чашкою кофе присѣлъ къ протопопу.

— Наша школа растетъ.

— Да, движается. Къ зимѣ можно будетъ и начать.

— У меня еще вчера двое кандидатовъ прибыло.

— Къ открытію-то пожалуй нужно будетъ пристройку дѣлать:—вы сотню пожалуй навербуете, сказалъ со смѣхомъ священникъ.

— Хорошо бы вашими устами да медъ пить. Но дѣло въ томъ что намъ съ вами придется вести войну и наше новорожденное дѣтище отстаивать энергически. Что со стороны родителей будетъ сочувствіе, объ этомъ нечего и толковать много... ребята тоже будутъ охотно заниматься,—я на это ужъ надѣюсь. Но много придется намъ перенести со стороны здѣшняго начальства... Какъ вы изумленно на меня смотрите. Ужъ это такъ... не удивляйтесь. На дняхъ я видѣлся съ здѣшнимъ смотрителемъ и онъ употребилъ всѣ свои дипломатическія способности, чтобы разузнать въ точности: что сіе? къ чему сіе? и для чего сіе? Я ему сказалъ, что все это ваши затѣи, а я-де ни больше ни меньше, какъ архитекторъ.

— Но къ чему-же вся эта... все это?...

— Эта ложь, хотите вы сказать? Говорите прямо.

будемъ называть вещи ихъ прямымъ именемъ,—это самое лучшее. Видите ли, я даже сообщилъ ему свое сомнѣнiе, что врядъ ли пойдетъ успѣшно ваше дѣло. А лгалъ я, вспомнивъ правило іезуитовъ, что цѣль оправдываетъ средства.

— Гмъ. Цѣль оправдываетъ средства...

— Да, это ихъ ученiя. Какъ вамъ нравится это правило? спросилъ Лягушкинъ, лукаво улыбаясь.

— Я думаю, что мы съ этимъ іезуитскимъ правиломъ надѣлаемъ больше зла, чѣмъ добра.

— Послушай, Иванъ, обратился Лягушкинъ къ Мурашеву, стоящему передъ нимъ съ новой чашкой кофе;— ты хочешь послѣ чашки отличнаго кофе, какой только ты умѣешь варить, угощать меня демьяновой ухой.

— Но ты любишь кофе.

— Я много вещей люблю на свѣтѣ, но люблю разумно и желудка себѣ разстраивать не намѣренъ. Я люблю и истину, обратился онъ къ священнику,—но и изъ-за любви даже къ ней не буду портить себѣ кровь: попробую, на этотъ разъ, послѣдовать правилу іезуитовъ и надѣюсь, что сдѣлаю доброе дѣло. Впрочемъ, ваша совѣсть пусть будетъ покойна—грѣхъ беру на себя. Нѣтъ, не шутя, Илья Яковлевичъ, мы не должны забывать, что въ насъ будутъ кидать скверными вещами, какими мы не способны и не можемъ имъ отвѣтить.

— Какими же?

— Да доносами.

— Доносами! Да что же мы дѣлаемъ худаго?

— Ахъ, какой-же вы младенецъ! Да развѣ люди со зломъ борются? Повѣрьте моей опытности, что у зла больше партизановъ въ людяхъ, чѣмъ чертей. Вы не забывайте и нашего положенія: насъ не терпятъ! Рѣшено уже и подписано, что мы люди погибшіе. Какъ бы мы не вели себя хорошо, мы все-таки въ ихъ глазахъ бунтовщики. Если мы даже и молиться Богу станемъ, то повѣрьте, большинство будетъ увѣрено, что мы просимъ у Бога зла людямъ.

— Мрачно вы смотрите на все, Дмитрій Ивановичъ.

— Ну-съ, такъ и оставьте насъ въ сторонѣ. Оставьте въ сторонѣ и вашу скромность и деликатность, и принимайте все доброе дѣло на себя. Вы чисты: упрекнуть васъ никто и ни въ чемъ не сможетъ, хотя вы для нихъ—тоже бѣльмо на глазу.

— Не понимаю!

— Я понимаю, что вы не понимаете. Бѣльмо вы воцервыхъ, потому, что вашъ предшественникъ давалъ пиры, а у васъ подъ часъ копейки нѣтъ; во вторыхъ, вы безукоризненный человекъ, отъ нихъ далеки, и сходитесь съ нами, да съ низшимъ слоемъ.

— Ну! съ неудовольствіемъ проговорилъ священникъ.

— Ну—это въ сторону. А пуганая ворона куста боится. Я же на ворону похожъ; да и пуганый на столько, что ужъ чутьемъ знаю, откуда на насъ свалятся напасти, и даже приблизительно могу опредѣлить, въ какомъ они будутъ родѣ.

Въ это время изъ комнаты слышались звуки фортепьяно: это импровизировалъ Кабаньскій, окончившій свою партію въ шахматы. Кабаньскій игралъ артистически.

Изъ саду доносились веселые дѣтскіе голоса. На террасѣ наступило молчаніе, по временамъ прерываемое отрывистымъ, обычнымъ вздохомъ Мурашева: охъ-хо-хо-хо. Въ это время во дворъ быстро вѣхалъ дорожный тарантасъ. Пуганая ворона куста боится, и въ лицахъ Лягушкина и Мурашева выразилось испуганное изумленіе, но черезъ минуту, они съ радостнымъ крикомъ неслись, какъ легкія дѣти, къ молодой, красивой женщинѣ, выпрыгнувшей изъ тарантаса. Илья Яковличъ, не желая мѣшать радости, взялъ свою шляпу, сошелъ въ садъ и исчезъ домой незамѣченнымъ, среди радостной суеты.

Лягушкинъ, говоря о разныхъ напастяхъ, неожиданно и ожидаемо падающихъ на него, не обрисовалъ и со-той доли незавиднаго положенія, ни своего, ни своихъ друзей. Не говоря уже о томъ, что на ихъ долю выпадали годы, когда несчастія и тяжелыя испытанія являлись къ нимъ толпой. Извѣстія, одно другаго печальнѣе, приносила имъ почта, передаваемая черезъ полицію. Они даже лишены были единственной отрады: высказаться въ своемъ горѣ своимъ друзьямъ и роднымъ, такъ какъ ихъ гордость не допускала, чтобы ихъ слезы и раны видѣли другія, постороннія лица, въ родѣ Квасова, могущаго цензуровать ихъ корреспонденцію. Приходилось таить все горе въ себѣ самихъ, что невольно дѣлало

ихъ нервно-раздражительными. За крупнымъ горемъ слѣдоваль рядъ булавочныхъ уколовъ, сыпавшихся отъ людей, вымѣщавшихъ свое невѣжество на нихъ, стоящихъ такъ высоко въ этомъ отношеніи. При независимомъ положеніи, эти люди отнеслись бы къ мелкимъ и грязнымъ оскорбленіямъ съ презрѣніемъ—но теперь это иныхъ доводило до сумасшествія. Представьте себѣ подобную жизнь и вамъ будетъ понятенъ радостный крикъ, при видѣ неожиданно явившагося друга, и не покажутся вамъ странными слезы на смуглыхъ и сухихъ щекахъ Лягушкина.

Пріѣзжая оказалась Каролиной Карловной, дальней родственницей Мурашева и близкой, родной по душѣ ему и всѣмъ членамъ этого, заброшеннаго въ Полуторовскъ, кружка. Возвращаясь обратно на родину, она сдѣлала крюкъ и награждена была радостной встречей.

Послѣ горячихъ объятій и поцѣлуевъ послѣдоваль бурный потокъ взаимныхъ распросовъ и отвѣтовъ. Самый веселый смѣхъ, давно не раздававшійся въ сѣренькомъ домикѣ, носился по комнатамъ, вылеталъ въ раскрытыя окна и двери. Живость сообщилась и прислугѣ: горничная летала бабочкой, меланхолическій кучеръ Сергѣй съ несвойственной ему энергіей двигалъ подъ навѣсъ сарая легкій тарантасъ. Солидный, съ мѣднымъ ошейникомъ, Мирабо нѣсколько разъ бросался на шею своего господина. Самыя стѣны глядѣли какъ-то веселѣе. Одинъ только Вильгельмъ Карлычъ ходилъ по комнатамъ непзмѣннымъ своимъ шагомъ—тѣмъ ша-

гомъ, какимъ онъ нѣкогда измѣрялъ квартирку свою въ крѣпости, какимъ гулялъ и по станціоннымъ комнатамъ въ то время, когда его товарищи, молодежь, расправляли свои ноги, вальсируя подъ вокальную музыку и звукъ ножныхъ цѣпей.

А между тѣмъ эта олицетворенная флегма не менѣе другихъ радъ общей радости и не теряетъ ни одного слова изъ бесѣды друзей. Онъ только не любилъ тревожить своего языка, зная, что и безъ него все будетъ и спрошено и рассказано. Не обнаруживалъ онъ никогда ни гнѣва, ни радости. Прощѣдитъ фразу, а за ней молча сдѣлаетъ дѣло. Въ то прошлое время, когда его товарищамъ приходилось танцевать подъ звуки кандаловъ, одинъ станціонный смотритель, въ праздничномъ настроеніи, вздумалъ прочесть Вильгельму Карлычу натацію: облокотившись на спинку стула, на которомъ сидѣлъ Шпильгаузенъ, и смотря на его лоснящійся черепъ, обратилъ къ нему рѣчь.

— И ты лысый туда-же? Что мнѣ съ тобой сдѣлать: дунуть на плешь твою или плюнуть?

— Попробуй, отвѣчалъ флегматически Шпильгаузенъ.

Его товарищи поспѣшили оттащить смотрителя.

— Ну, а если бы смотритель исполнилъ свое намѣреніе, что-бы ты сдѣлалъ? спрашивали Вильгельма Карлыча его товарищи послѣ.

— Убилъ бы его.

И никто не сомнѣвался, что онъ исполнилъ бы свое слово.

И никого другаго не могъ такъ забавлять флегма Вильгельмъ Карловичъ, какъ забавлялъ онъ Мурашева. Сангвиническій Иванъ Матвѣичъ былъ чистѣйшій французъ стараго добраго времени, увлекающійся и быстро переходящій отъ хандры къ самому беззабѣтному веселью, въ какомъ онъ и находился теперь, иронически подмигивая всѣмъ и каждому на невозмутимаго друга.

Лягушкинъ же въ эту минуту былъ весь—счастье. Словно ребенокъ, обратившійся весь во вниманіе, слушающая сказку бабушки, — не спускалъ онъ глазъ и слушалъ умную болтовню гостыи, симпатично рассказывавшую про оригинальности и эксцентричности своихъ далекихъ друзей. Все это рассказывалось съ такой душевной теплотой, какъ будто бы дѣло шло о забавахъ любимаго ребенка.

Солнце золотить уже верхушку колокольни, виднѣющуюся въ раскрытое окно. Тихій вечеръ, и въ компаніи тихій ангелъ пролетѣлъ. Мурашевъ перебираетъ клавиши. Въ сосѣдней комнатѣ слышится звукъ отъ чайныхъ стакановъ и чашекъ. Каролина Карловна въ отведенной для нея комнатѣ достаетъ изъ чемодана наброски портретовъ (дѣло происходитъ во времена дофотографическія). Въ это время въ передней раздался чей-то посторонній голосъ и Зоя вошла сказать, что квартальный спрашиваетъ пріѣзжую.

При этомъ извѣстіи, забывшійся на нѣсколько часовъ кружокъ почувствовалъ себя снова на родимой почвѣ, среди родныхъ соотечественниковъ, изъ которыхъ одинъ, съ очень красной фізіономіей, по случаю празд-

ничнаго дня, отстраняя горничную, вступалъ въ залу смѣлыми, но не совсѣмъ-то твердыми шагами.

— Что вамъ угодно? сердито обратился къ входящему Иванъ Матвѣичъ.

Квартальный, окинувъ комнату осоловѣлыми глазами, объявилъ, что надо-де ему пріѣзжую, пусть-де забираетъ свой видъ и отправляется съ нимъ сію же минуту въ полицію.

— Что-оо!

— Али русскаго-то языка не понимаете? Городничій приказалъ привести ее въ полицію... Кушъ ты! послѣднія слова обратилъ онъ къ Мирабо, грозно поднимающемуся изъ подъ дивана и начинающему яростно щелкать зубами. Лягушкинъ, схвативъ за ошейникъ Мир.бо, быстро вдвинулъ его снова подъ диванъ и еще быстрѣе отстранилъ другой рукой Мурашева, не надѣясь на его хладнокровіе, и предсталъ лично предъ краснымъ, моргающимъ исполнителемъ правосудія. Въ это время вошла пріѣзжая, съ улыбкой разбирая рисунки и не замѣчая происходящаго въ комнатѣ.

— А, голубушка!.. обратился къ ней квартальный, но докончить фразы ему не удалось: сухая, желѣзная рука Лягушкина ловко повернула его и вывела въ переднюю.

— Не съ вами говорятъ!.. не смѣть!.. началъ было квартальный, но взглянувъ въ глаза Лягушкина, замолкъ.

Въ его головѣ, наполненной винными парами, промелькнула мысль, что въ глазахъ Лягушкина свѣтитъ

ся не совсѣмъ-то добрый огонекъ и что попалъ онъ къ людямъ, которые пожалуй не задумаются разлучить его на вѣки вѣчные съ его сожигательницею, съ теплымъ угломъ и доходнымъ мѣстомъ, и онъ перемѣнилъ тонъ.

— Да помиуйте, я чѣмъ-же тутъ виноватъ? Кабы я отъ себя, а то городничій... сами знаете... и по зубамъ готовъ, не смотря на чинъ.

— Что вамъ надо?

— Я докладывалъ... приказано привести пріѣзжую.

— Это вадорь!.. вы пьяны и не такъ поняли; а видъ мы сейчасъ пришлемъ... Идите.

— Очень благодаренъ.

И не заставивъ просить себя вторично, онъ быстро шмыгнувъ въ двери и только за воротами облегчилъ свою душу непечатнымъ словомъ.

Выпроводивъ неожиданнаго гостя и отправивъ съ Сергѣемъ бумаги пріѣзжей въ полицію, Лагушкинъ возвратился на прежнее мѣсто, но прежняго настроенія уже не было. Полуторовскій кружокъ, не желая огорчать далекихъ друзей, въ своихъ письмахъ всегда обходилъ туземныя дразги, выпадающія на его долю и тѣмъ самымъ поселилъ въ своихъ друзьяхъ убѣжденіе, что Полуторовскъ—рай и что жизнь ихъ такъ счастлива, какъ только возможно въ ихъ положеніи, и переселиться къ нимъ было мечтою многихъ. Потому и Каролина Карловна, въ появленіи пьянаго квартальнаго, видѣла только смѣшной случай и объявила, что она не будетъ себя называть теперь иначе, какъ голубушкой, и вертѣла маленькую Женни, допрашивая ее: похожа ли она на

голубку. Но смѣхъ друзей уже не былъ такъ задушевнѣе. Мурашевъ, при всемъ своемъ усиліи скрыть раздраженіе, не могъ этого сдѣлать. Лягушкинъ былъ увѣренъ, что это только прелюдія къ другимъ, болѣе непріятнымъ столкновеніямъ, и былъ задумчивъ. Шпильгаузенъ сидѣлъ въ углу. Матрена Кондратьевна хлопотала около самовара, при чемъ стаканы въ ея рукахъ дребезжали болѣе обыкновеннаго и своимъ звукомъ еще болѣе раздражали Ивана Матвѣича.

Каролина Карловна не вдругъ замѣтила перемѣну въ общемъ настроеніи, но замѣтивъ, и сама невольно начала спадать съ веселаго тона; подъ конецъ она молча принялась за чай. Надъ друзьями снова парилъ тихій ангелъ, но не навѣвалъ уже онъ своими крыльями прежней благодатной тишины и спокойствія.

Чуткое ухо Ивана Матвѣича разслышало шаги на лѣстницѣ, и перебросившись взглядомъ съ Лягушкинымъ, онъ въ два—три шага былъ уже въ передней, Богъ вѣсть для чего мимоходомъ захвативъ каминные щипцы. Въ переднюю вкатывался самъ галантерейный блюститель тишины и спокойствія града Полуторовска—Квасовъ.

— Изъ подорожной видно-съ, началъ онъ, стараясь поразить Мурашева всѣмъ запасомъ своихъ великосвѣтскихъ галантерейныхъ манеръ, смахивающихъ на развязность кантониста:—путь проѣзжающей лежитъ совсѣмъ не чрезъ мой городъ; а потому, вы ужъ извините... предписанія.... мои инструкціи.... ну-съ и моя обязанность—задержать проѣзжающую, заарестовавъ ее при

полиціи, и произвести строжайшій обыскъ въ ея вещахъ.

Окончивъ эту тираду, Квасовъ прошолъ мимо хозяина, галантерейно раскланивался и расшаркивался публикѣ. За нимъ шолъ письмоводитель и еще какая-то личность.

Опомнившійся Мурашевъ съ быстротою резинового мячика очутился опять передъ галантерейнымъ.

— Вы съ ума сошли! пропанесь онъ сквозь стиснувшіеся зубы.

Лягушкинъ поспѣшилъ къ озадаченному Квасову и къ свирѣпѣвшему Мурашеву. «Пожалуй этого труднѣе будетъ уложить, чѣмъ давеча Мирабо,» мелькнуло у него въ головѣ и онъ улыбнулся.

— Перестань, Иванъ, говорить вздоры!.. Тутъ я вижу недоразумѣніе...

Но для Квасова казались болѣе убѣдительными каминныя щипцы, брошневныя теперь посинѣлой рукой Мурашева, чѣмъ разумная рѣчь Лягушкина, старающаяся указать ему предѣлы его власти. Квасовъ видѣлъ, какой эффектъ производитъ его присутствіе, видѣлъ показавшуюся пѣну на усахъ Мурашева, сверкающій взглядъ Лягушкина, противорѣчащій его мирнымъ словамъ, и торжествовалъ. Его немного бѣсило хладнокровіе Шпильгаузена и онъ внутренно далъ себѣ слово когда-нибудь потѣшиться и надъ этимъ идолопоклонникомъ. Вильгельма Карлыча, почему то, въ городѣ считали за идолопоклонника.

Избавляю и читателя, и себя отъ дальнѣйшихъ сценъ.

Дѣло кончилось перерывомъ чемодановъ у приважей, а арестъ при полиціи замѣненъ домашнимъ арестомъ. Каролина Карловна была поражена и страдала за друзьями. Передъ ней разыгралась маленькая сцена, дающая понятіе о Полуторовской жизни ея друзей.

Шпильгаузенъ, надвинувъ на свой сноповидный парикъ осьмиугольный картузъ, отправился обычнымъ своимъ шагомъ домой, за нимъ послѣдовала Кандальцева. Лагушкинъ, выкуривъ еще трубку, а за тѣмъ пожелавъ покойной ночи, тоже вышелъ. Домой онъ не пошелъ, а повернулъ направо къ темнѣющимъ рощамъ. Ему хотѣлось успокоиться вдали отъ этихъ деревянныхъ ящиковъ, на полненныхъ живыми существами, не только чуждыми ему по понятіямъ, но даже враждебными. Онъ рѣшилъ, что нужно прежде всего дать знать о сегодняшнемъ казусѣ въ губернской городъ. Онъ предполагалъ, на основаніи прошлыхъ опытовъ, что утро, освѣтивъ скудный мозгомъ черепъ Квасова, покажетъ ему, что сдѣланнаго мало, и заставить изобрѣтать новыя штуки. Но какъ дать знать? вотъ вопросъ.

И онъ шагаль далѣе и далѣе отъ мирно спящаго города.

— И на борьбу съ подобными дразгами приходится расходовать себя и свою энергію, думалъ онъ, — когда знаешь лекарство отъ этого зла!.. да, причина всего глупость и невѣжество. Вотъ съ ними то, а не съ Квасовымъ, ничтожнымъ вырожденкомъ тупости, надо вести борьбу... А вздоръ, что связаны руки!.. Чтожъ, почить на лаврахъ, — свое-де дѣло сдѣлали?

Нѣтъ! тутъ то и доказать, что честный человѣкъ можетъ дѣлать и съ связанными руками. Мы, русаки, лѣвтии, и на оправданія, да на отговорки изобрѣтательны... среда... обстоятельства. Будемъ дѣлать, что можемъ.

И онъ шагаль впередъ и впередъ, мысленно уносясь все дальше и дальше отъ сегодняшняго событія.

На встрѣчу Лягушкину послышались шаги лошади, по временамъ заглушаемые веселымъ насвистываніемъ какой-то пѣсенки. Лягушкинъ остановился, приподнялъ голову, восторожилъ ухо и чрезъ секунду быстро бросился къ дорогѣ, шагая черезъ кочки и продираясь сквозь кусты. «Эврика! наша игра выиграна», и двумя быстрыми прыжками очутился на дорогѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ всадника, на вмысленной лошади, идущей теперь шагомъ. Молодой всадникъ такъ былъ занятъ созерцаніемъ луны и насвистываніемъ какой-то аллегии, что на окликъ Лягушкина: стойте! вздрогнулъ и схватился за ружье. Лягушкинъ захохоталъ.

— Ни жизни, ни кошелька я отъ васъ не требую... не бойтесь!

Всадникъ, узнавшій Лягушкина и оказавшійся учителемъ Лилинымъ, тоже захохоталъ и покраснѣлъ, какъ краснѣють только въ пору славной молодости.

— Надѣюсь, вы не меня здѣсь поджидали.

— Поджидалъ добраго человѣка и очень радъ, что судьба столкнула меня съ вами. Но докажемъ ложность пословицы: что конный пѣшему не товарищъ. Двинемся впередъ. Дѣло вотъ въ чемъ...

И Лягушкинъ разсказалъ въ чемъ дѣло.

— Спасенія жду отъ васъ, заключилъ онъ свой разсказъ.

— Научите, какъ помочь.... За мной дѣло не станетъ.

— Идите къ смотрителю, разбудите его... сочините что-нибудь, возьмите отпускъ дня на три... наймите лошадей и заѣзжайте ко мнѣ за прогонами и письмами. Лучше, разумѣется, будетъ, если знающихъ о вашей поѣздкѣ будетъ не много.

Лилину, совершившему въ продолженіи полутора сутокъ 160-ти верстную поѣздку по влеченію сердца (такъ какъ сообщенный Парасковьей Степановной слухъ, такъ холодно принятый княгиней Кукишевой, касательно журавля, былъ справедливъ), ничего не стоило съѣздить за 250 верстъ. Онъ далъ съ удовольствіемъ слово, пожалъ руку Лягушкину, прищипорилъ длинными ногами своего вѣрнаго бурку и скрылся въ переулкѣ соннаго города.

Поднявшись по узенькой лѣстницѣ, какія устроиваются на пароходахъ и ведутъ въ каюты, Лягушкинъ вступилъ въ свою комнату, болѣе похожую на каюту, чѣмъ на комнату, и, засвѣтивъ свѣчу, освѣтилъ всю свою каюту. Стѣны ея были обтянуты чернымъ каленкоромъ, на которомъ рѣзко выдавался въ переднемъ углу артистической работы бюстъ красивой женщины, — это былъ бюстъ его жены. Между оконъ, надъ письменнымъ столомъ, висѣли два дѣтскихъ портрета, — это были его дѣти. Надъ ними полочка съ книгами, барометръ, небольшая иконка на мѣди — работа старыхъ

великихъ мастеровъ Италіа. Вотъ и все украшеніе Лягушкинскаго логовища. Но входя въ эту комнату, какъ выразился одинъ любитель аллегорій, чувствуешь, словно заглянулъ въ сердце самого Лягушкина.

Переодѣвшись въ халатъ и вязанныя туфли, Лягушкинъ подвинулъ къ столу складной табуретъ и принялся за письма. Быстро бѣгало его перо по бумагѣ; листокъ за листкомъ откладывался въ сторону, и не замѣчалъ Лягушкинъ, что сѣвъ писать при свѣтѣ свѣчи, онъ дописывалъ при розовомъ утрѣ, обрисовавшемъ холодныя, но прекрасныя черты бѣлаго бюста. У воротъ послышался топотъ лошадей и дребезжаніе телѣжки; затѣмъ стукнулъ калиткой широко шагающій Лилинъ. Дмитрій Ивановичъ, предложивъ ему трубку, поспѣшилъ закончить и запечатъ письма, послѣ чего вручилъ ему на расходы весь имѣвшійся въ наличности капиталъ, и молча, съ признательностію обнялъ Лилина. По уходѣ его, онъ задулъ свѣчу, и заснулъ сномъ, какимъ дай Богъ намъ спать почаще.

Мурашевъ же не засыпалъ. Оставшись одинъ въ своемъ кабинетѣ, онъ безпокойно принялся бѣгать изъ угла въ уголъ, какъ мышь, попавшаяся въ ловушку. По временамъ онъ бросался въ свои покойныя кресла и сидѣлъ читать газеты, привезенныя Каролиной Карловной, но въ глазахъ его мелькали только буквы да строчки... И онъ бросалъ газеты, брался за трубку, снова принимаясь мѣрять діагональ своей комнаты. Такъ прошла вся ночь. Утромъ, по обыкновенію, выливъ на себя въ банѣ два ведра холодной воды, онъ свѣжѣе

взглянулъ на взволновавшее его происшествіе и началъ увѣрять себя, что смѣшно волноваться такими пустяками. И онъ дѣйствительно засмѣялся, выйдя на чистый дворикъ, сіяющій утреннимъ свѣтомъ. Но взглядъ на пожарнаго, сладко спящаго на крыльцѣ, поднялъ снова всю его желчь, и онъ снова вошелъ въ комнаты. «Положимъ, это пустяки, но вѣдь это не конецъ, вѣдь это непрерывная цѣпь, недающая ни на минуту покоя, врывающаяся въ домъ, отравляющая все»; и онъ принялся снова мѣрять разстояніе угловъ своего кабинета. Явившійся къ чаю Лягушкинъ разсказалъ, что онъ успѣлъ сдѣлать, и расположеніе Ивана Матѣича быстро смѣнилось: весело онъ стучалъ по клавишамъ, напѣвая веселую французскую пѣсенку, а Каролина Карловна еще веселѣе возилась на коврѣ со второй воспитанницей Мурашева, волоокой Аксютой.

Всякая новость быстро облетаетъ маленькіе городишки, въ родѣ Полуторовска. Обыскъ и арестъ пріѣзжей извѣстенъ былъ поутру уже всей туземной аристократіи, и отлично подѣйствовалъ на расположеніе ихъ духа: во первыхъ, все-таки новость, есть о чемъ поговорить; во вторыхъ, посбита спѣсь у этихъ французовъ; а въ третьихъ—они въ лицѣ своего представителя доказываютъ этимъ, что не дремлютъ и занимаются дѣломъ. А вѣдь нужно-же и поощрять подчиненныхъ... Кто знаетъ... чѣмъ чортъ не шутитъ—чанъ или крестъ... хотя бы и простая благодарность... и то ничего... и то не худо. Невеселое только утро было для мальчугановъ уѣзднаго училища третьяго класса. Урокъ былъ изъ геометріи, и учи-

телемъ надлежало войти Журавлю, послѣ праздниковъ, какъ знали мальчуганы, бывавшему еще добрѣ и ласковѣ. — Явился же, увы! самъ воронъ — Лукичъ и принялся справлять дѣло журавля съ тою разницей, что пустилъ въ ходъ, никогда непускаемыя Лилинымъ, розги. Мальчуганы очумѣли и подъ розгами просили пощады у Александра Львовича, а не у Ивана Лукича, Александръ же Львовичъ скакалъ въ телѣжкѣ за десятки верстъ отъ нихъ. Дорога отличная, время таковое-же; а сытые кони, какъ вѣтеръ, мчатъ ликующаго Лилина. Чудный боръ, какъ аллея, идетъ по обѣимъ сторонамъ дороги; то какъ стрѣла высится прямо къ небу, съ зонтомъ на верху, сосна; то какъ гигантская сахарная голова, обернутая въ темную бумагу, ель; то бѣлая, нѣжная береза. Какъ все это отлично сгруппировано! Какой теплый воздухъ обдаетъ оттуда его щеки, и грезятся ему недавніе поцѣлуи и горячее дыханіе любящей женщины. Въ чащѣ мелькнулъ какой-то звѣрекъ, а вонъ и сѣрый перескочилъ черезъ гигантскій стволъ отжившаго дерева, покрытый зеленымъ мохомъ. Заговорило охотничье сердце; но вспомнилась цѣль поѣздки и несется Лилинъ впередъ и впередъ, не чуя, что тамъ, назади, въ душевной комнатѣ, съ воплемъ призывають его имя маленькія существа, пренебрегшія знакомствомъ съ равнобедренными треугольниками.

Оставивъ Лилина ѣхать, мы обратимся къ торжествующему Квасову. Онъ въ этотъ день посылалъ нарочнаго въ губернію съ донесеніемъ, что такая-то противозаконно появилась тутъ-то, и что, хотя при

тщательномъ обыскѣ, ничего не найдено, но онъ, Квасовъ, неусыпно заботясь о благосостояніи города, вынужденъ былъ заарестовать ее. Послать же это донесеніе раньше не было никакой возможности, такъ какъ дочери градоправителя не успѣли еще составить реестра для разныхъ закупокъ, ибо нужно было сообразить, что именно въ губернскомъ городѣ можно пріобрѣсти дешевле. Но на третій день послѣ происшествія съ Каролиной Карловной у Квасова была вечеринка, во время которой явился казакъ съ конвертомъ изъ губернскаго города, чѣмъ ошеломилъ всѣхъ и заставилъ Квасова струхнуть не на шутку. Больно ужъ грозно была написана бумага отъ самаго. «Какъ могъ написать онъ такую бумагу? Какъ узналъ такъ скоро? недоумѣвали сильно подкутившія власти. — И еще какую бумагу! не сообразишь!.. На мѣсто благодарности-то?»

Какъ бы то нибыло, но случай этотъ произвелъ благопріятный для кружка переворотъ во взглядахъ туземныхъ властей.

ГЛАВА VII,

описывающая происшествія, случившіяся спустя два мѣсяца послѣ предъидущаго.

Лѣто... Праздникъ... Стоитъ жара, такая жара, что вытянувшійся въ ливію сѣренькій городъ, съ двумя бѣлыми церквами въ срединѣ и съ двумя темными рощами въ концѣ, кажется подернутымъ флеромъ, и рябитъ въ глазахъ идущихъ на торгъ крестьянъ. Звукъ соборнаго колокола, приглашающій полуторовцевъ въ храмъ Божій, кажется какимъ-то неполнымъ звукомъ, словно языкъ, прикасаясь къ мѣднымъ краямъ его, обжигается и отскакиваетъ прочь. Солнце, поднимаясь выше и выше, все сильнѣе припекаетъ потрескавшуюся отъ жары землю. И давно уже стоятъ такія жары. Выгорѣвшая трава, покрытая бѣлою пылью, грустно смотритъ на ѣдущія въ городъ телѣги съ неменѣе грустными крестьянами. Оводы стадами несутся надъ изморенными лошадьми.

При подъемѣ на небольшой холмикъ, при самомъ въѣздѣ въ городъ, крестьяне сошли съ телѣгъ и пошли рядомъ.

— Эка жарынь-то! Ночью бы надо выѣхать-то.

— Ночью! угрюмо возразилъ старшій: подикось надо и скотинѣ повѣсть. Ночью-то только ей и вздохнуть.

— Страсти Господни, Божеское наказаніе!.. Хлѣбушко-то, хлѣбушко! Ничего, значить, не помогаетъ, хоть ты тутъ сто молебновъ пой.

— Чего Бога-то гнѣвить!

Съ трехъ сторонъ подъѣзжаютъ къ городу крестьяне, съ трехъ сторонъ смотрять на нихъ вызженные поля и съ трехъ сторонъ если не слышатся подобныя рѣчи, то они глубоко таятся въ сердцахъ.

Тѣже рѣчи о вызженномъ хлѣбушкѣ и у толпящихся на городской площади. Таже тема и у столпившихся подъ тѣнью деревянныхъ лавокъ, по близости черного, неуклюжаго кабака, ждущаго окончанія обѣдни, чтобы открыть гостепріимныя объятія для жаждущихъ. Особенно отличались этой жаждой нѣсколько обдерганныхъ гражданъ съ проносомъ, ясно указывающимъ на дальнюю родину, отъ которой оторвала и занесла ихъ сюда ужь никакъ не ихъ добрая воля.

Недалеко отъ этой группы была другая, сидящая на полу и рѣзко отличающаяся отъ жаждущихъ. Здоровые лица съ окладистыми бородами, нависшими усами и стриженной маковкой на головѣ, толстые сѣрые кафтаны со сборками и съ мѣдными дутыми пуговицами, сразу рекомендовали ихъ туземными раскольниками. Умные и рѣшительные взгляды ихъ давали понять, что это люди, которые не задумаются, въ одно прекрасное время, собраться въ избѣ и сожечь себя во славу Божию. Ихъ, очевидно, занимали общіе

толки о гибели хлѣба, но они молчали, пока въ толпѣ кто-то не упомянулъ слово «молебень». Лысый старикъ не выдержалъ и пѣвучимъ голосамъ заявилъ, что отъ поповскихъ-то молебновъ хуже стало. Кружокъ близъ стоящихъ повернулся къ нему.

— Весь хлѣбъ погорить, трава погорить, рѣки пересохнуть, продолжалъ старикъ:—Божія кара на васъ!.. Божія кара на васъ, зане души-то ваши изсохли!.. Все покроется пылью, какъ вы души-то ваши посыпали бѣсовской пылью—табакомъ, да пожгли ихъ винищемъ дьявольскимъ!

— Божье наказанье!—какъ аминь произнесли его товарищи.

— Ты, дѣдушко, вино-то не вини. Божій даръ тожъ, поди изъ хлѣба, возразила испитая личность въ поддевкѣ и съ серьгой въ ухѣ.

Старикъ, вмѣсто всякаго возраженія, плюнулъ, не обращая вниманія на такое неуваженіе къ словамъ своимъ. Необидчивый субъектъ съ серьгой продолжалъ свою рѣчь.

— Што дожда этого нѣтъ, такъ это ужъ, значить, такъ уродилось, потому не на всяку-же пору его и хватить. Иной разъ, братцы, и вина не хватаетъ. (Обдерганная свита его захохотала). Вотъ и таперича: локоть близокъ, а не укусишь! Не открываетъ собака—жидъ, да и только. А и отворить, проклятый, такъ чай въ долгъ не дастъ. И онъ призадумался, но не надолго.

— А што, ребята, обратился онъ къ двумъ простоватымъ мужикамъ:—выставите водки, такъ добру васъ

научу—скажу, отчего вамъ нѣтъ дождя. Обдерганные еще веселѣе захохотали предложенію своего коновода.— Чего хохочете-то?.. Божье наказанье, да Божье наказанье,—заладили одно. А коли люди есть такіе, что дождь отводять! Не хотять, значить, што-бы у хрестьянъ хлѣбъ былъ.

Какъ ни дико было заключеніе его рѣчи, но многіе наострили уши. Понятно, что утопающій за соломенку хватается.

— Што тутъ люди-то подѣлають, коли Богъ не даетъ? возразилъ ему длинный мужикъ.

Ораторъ счелъ себя вправѣ окинуть мужика презрительнымъ взглядомъ и сплюнуть на сторону, но, замѣтивъ, что болѣе любопытствующихъ не предвидится, онъ перемѣнилъ тонъ:

— А то, братецъ мой, и подѣлають, что не захотять вамъ дать дождя—и не дадутъ,

— Ужь эвто не ты-ли, другъ любезный, такой къ намъ немилосливый?

Громкій смѣхъ немного сконфузилъ оратора, но онъ былъ не изъ такихъ, чтобы отступать.

— Ну, у насъ пока еще носъ не доросъ, а вы вонъ куда рыло-то поверните,—и ораторъ трагически вытянулъ руку по направленію къ востоку. Всѣ глаза направились туда-же.

Въ концѣ улицы за маленькимъ, двухъ этажнымъ, въ три окна, домикомъ возвышался высокій шестъ съ поперечными палочками. На верху его было что-то въ родѣ скворечницы.

— Ну гдѣ?... Што?

— Шесть-то видите?

— Ну?

— Ну, вотъ вамъ и сказъ... Вотъ вамъ и нѣтъ дождя и не будетъ, пока васъ умный человѣкъ не научить, а умный человѣкъ даромъ для васъ, сиволапыхъ, языка трепать не станетъ.

— Лѣшій, пьяница! думали и впрямь, што путное скажетъ! посыпались комплименты на оратора.

— Ему бы водка была, ну и ладно.. А дождя ему ненадо.

— Извѣстно, ихнему брату што, какъ не водка.

— Кабашникъ—одно слово.

Между тѣмъ ораторъ, срѣзавшійся въ своемъ предположеніи выпить на счетъ ближняго, принялся насвистывать, поглядывая на колокольню—не покажется-ли тамъ фигура, долженствующая бить къ «достойно.»

— Вишь ты, отъ скворешницы дождя нѣтъ!

— Это, парень, не скворешница.

— А лѣшакъ его знаетъ, што тако.

— Я ономнись возилъ туда картофъ. Тамотка Лягушкинъ живетъ, поясвилъ пригородный крестьянинъ.

— Это колдунъ-то?

— Какой колдунъ?

— А Лягушкинъ-то: онъ, бакуютъ, колдунъ.

— Ну?

— Вонъ онъ дѣ живетъ.

— Гдѣ скворешница-то?

— Кака-тѣ скворешница... Картофѣ продавалъ, самъ видѣлъ... Стрѣлки тамъ на верху-то знать.

— О?

— Онъ при мнѣ лазилъ туда.. А въ столбѣ-то, слышь, воетъ...

— Да кто?

— Да колдунъ-то.

Публики прибывало. Однако, мало кто понималъ о чемъ идетъ дѣло. Знали только, что между дождемъ, столбомъ и Лягушкинымъ существуетъ что-то общее. Утопающій хватается за соломенку, и публика хваталась за каждое слово.

— Лягушкипъ... это што по лѣсу-то ходить, да траву-то собираетъ?

— Во, во.. онъ самый!

— Такъ онъ чаво?

— Траву, слышь, собираетъ.

— Каку траву? чего орешь-то! На столбѣ, слышь, лазить.

— Это на энтотъ-то, што кабашникъ-то показывалъ?

— На энтотъ самый. Самъ, слышь, видѣлъ, какъ картофѣ продавалъ...

— А почемъ продавалъ-то?

— Дядя Филиппъ, а дядя Филиппъ! траву-то у кого забралъ?

— Ходать по лѣсу, да собираетъ.—На што молъ это тебѣ? Высушу, бить.

— Высушу! значительно протянули нѣсколько голосовъ.

— Картофь-то почему продалъ?

— Ну те съ картофью-то!.. Высушу... Гм...

Въ это время съ соборной колокольни раздался благовѣстъ. Большинство сняли шапки и начали креститься. Кучка жаждущихъ придвинулась ближе къ кабаку. Толпа соображала.

— А парня-то, значить, напрасно давеча облаяли, произнесъ мужикъ съ птичьей физиономіей и большими умными глазами.

— Какого парня? спрашивали пришедшіе послѣ.

— Эвось, что у кабака-то въ холодиѣ свистить. Сказывалъ, што дожда намъ Лягушкинъ не даетъ.

— Эка, песъ, чаво болтаетъ! Чаво тутъ Лягушкинъ-то противу Бога подѣлаетъ?

— Чего подѣлать? Поди Филипу-то самъ говорилъ: траву сушу. Парнюга-то, поди, не даромъ водки-то просилъ... научу, молъ...

— Гдѣ, поди, даромъ!.. кака собака даромъ-то станетъ поштовать!

Толпа призадумалась. А между тѣмъ рѣчь о столбѣ, Лягушкинѣ и дождѣ ходила изъ устъ въ уста и волновала базарную площадь.

Обѣдня кончилась. Изъ церковныхъ дверей начала выплывать толпа разодѣтыхъ полуторовскихъ женъ; впереди шли городничій и исправникъ. Барыни и барышни, проходя мимо ряда франтовъ, мило улыбались на разныя учтивости и кудрявыя фразы. Вышелъ и прятъ, и занимъ заперлись тяжелыя церковныя двери. Въ тоже время распахнулась маленькая, грязная дверь кабака.

Душно дѣлалось даже въ тѣни, подъ навѣсами деревянныхъ лавокъ. Только кабакъ, своей распахнутой дверью, несъ сырой затхлый воздухъ, и манилъ къ себѣ своею прохлагою. По двумъ ступенькамъ жаждущіе вступали въ большую, сырую и затхлую комнату съ двумя небольшими окнами, зеленыя, матовыя отъ времени стекла которыхъ пропускали такъ мало свѣту, что входящій съ ярко освѣщенной улицы не вдругъ могъ рассмотреть: кто и что тутъ есть. На этотъ разъ въ кабакъ была публика немногочисленная, но избранная. На первомъ мѣстѣ, около стола, обращеннаго въ пастбище для голодныхъ и опьянѣвшихъ мухъ, сидѣлъ княжескій кучеръ Бориско, обладающій удивительнымъ счастьемъ къ находкамъ. Сегодня въ своихъ пірочайшихъ карманахъ онъ нашелъ красный бумажный платокъ, двѣ капли воды похожій на платокъ, подаренный барыней его дочери—смѣхолобивой Дунькѣ. Осчастливленный этой находкой, онъ весьма милостиво относился къ заигрыванью знакомаго намъ парня съ серьгой, рассказывающаго ему про различныхъ графскихъ и княжескихъ кучеровъ, которыхъ приводилось ему видать и которые въ подметки не годились Борискѣ въ управленіи какими хошь конями. И что будь онъ, Бориско, въ Россіи, озолотили бы его тамъ... а то здѣсь што? Одно слово—не мшоная!

Бориско былъ съ нимъ совершенно согласенъ, ухмылялся поддакивалъ, недогадываясь, впрочемъ, угостить своего панигириста, что начинало приводить послѣдняго въ отчаяніе.

Кромѣ Бориски, остальные поспѣтители не засиживались, не смотря на прохладу: хватать, да и назадъ. Парень съ серьгой обвелъ глазами кабакъ, остановилъ ихъ на сидящемъ мрачно въ углу здоровенномъ мужчинѣ не изъ здѣшнихъ. Осмотръ оказался не утѣшительнымъ: съ мрачнаго, какъ и съ него самого взятки были гладки.

— Послушайте, обратился онъ къ цѣловальнику, рослому еврею съ провалившимся носомъ:—ты видѣлъ новую-то мою жилетку, что я три рубля-то далъ?

Хозяинъ сдѣлалъ головой знакъ, точно такой же, какой сдѣлалъ бы онъ на вопросъ: видѣлъ ли онъ Мессію.

— Хочешь купить ее за рубль?

— Принеси.

— Ладно, значить, идетъ. Ставь-же полштофъ: угостить надо пріятеля. И онъ кивнулъ на Бориску.

— Неси, поставить не долго.

— Да ужъ идетъ, братецъ мой, принесу, наперво ставь.

— А мозе жилетка-то не пойдетъ, заупрямится?

Публика развеселилась. Дѣло было дрянъ, хоть брось. Оставалось осмотрѣть свой гардеробъ: старая, засаленная поддевка, грязная ситцевая рубаха, прикрывавшія грѣшное тѣло Антона, едвали могли быть приняты хозяиномъ и за двѣ капли настоя на табакѣ и известкѣ. Не отличались особенною привлекательностію и нанковые брюки, собранные веревочкой около ступней. Они были очень хороши для жаркаго лѣта, пропуская чистый во-

духъ къ ногамъ Антошки сквозь безчисленные свои щели, но болѣе нигде не годились. Калоши, показывающіе до какой изнурительной преданности вещь можетъ служить человѣку за то, что онъ не кидаетъ ее, тоже не могли прельстить зараженное матеріализмомъ сердце безносаго хозяина, не вѣрующаго ни въ преданность, ни въ искупленіе, ни тѣмъ болѣе въ возможность выкупа попадающагося къ нему добра.

Дѣло плохо, хоть волкомъ вой! Но на человѣка тутъ-то и валится счастье, когда онъ менѣе всего его ожидаетъ,—истина извѣстная всѣмъ и каждому, а на этотъ разъ фактически доказанная ввалившейся кучькой мужиковъ.

Привыкнувъ къ мраку и оглядѣвшись, они прямо придвинулись къ Антону.

— Какъ тебя звать, величать—не знаемъ.

— Антонъ Савельичъ, братцы.

— Такъ вотъ, Антонъ Савельичъ, мы тебя упоштемъ по горло, сытъ будешь, а ты намъ скажи о столбѣ-то толкомъ, да отчего намъ дожда-то нѣтъ?

— Извѣстно, отвѣтилъ ликующій Антонъ:—за грѣхи наши Богъ не даетъ.

— Да ты, Савельичъ, не ломайся: мы вѣдь къ тебѣ не даромъ. Надко-сь, хозяинъ, подноси ему, а ты намъ, Савельичъ, какъ есть—по Божески, на счетъ столба-то... Хотѣлось было Антону и дѣйствительно поломаться хорошенько: пусть-де этотъ рыжій чортъ, Бориско, и безносый хриstopродавецъ видятъ, чтó онъ за чело-

вѣкъ есть. Да ужъ жажда-то больно мучила, и онъ началъ безъ прелюдій, хоть издалека:

— Я, братцы мои, началъ онъ, осушивъ первый стаканчикъ:—жилъ во дворѣ князя... не у энтакого, отнесся онъ съ презрѣніемъ къ Борискѣ: что и дворни-то полтора человѣка, да и тѣхъ на навозъ поре. У нашего, братцы мои, одной дворни почитай съ сотню будетъ... Домъ большущій, каменный, что твоя церква...

— Да ты о столбѣ-то... о столбѣ.

— Я вамъ о томъ, ребята, и хочу. И онъ снова хлопнулъ стаканчикъ.—На этомъ самомъ домѣ-то у нашего князя шесть стоялъ, чтобы, значить, тучи обходили, громомъ не хватило, да дождя не было. Это, ребята, какъ есть сущая правда... мнѣ врать вамъ нечего—потому вы со мной по пріятельски.

— Штожь теперь это значить?.. Какая въ томъ столбѣ сила есть?

— Такая ужъ механика, значить, сдѣлана, что и не будетъ дождя, коли не захочетъ. Конечно, не просто... мастера такіе есть.

Въ толпѣ раздалось мычаніе: Антону выставили штофъ.

— А вы меня послушайте: срубить его надо... вотъ што.

— Извѣстно дѣло, таинственно подвернулся остроглазый мужикъ подъ самое ухо Антону.—Мы тебя отблагодаримъ... Кабы ты намъ это соорудовалъ... при-мѣрно, ночью.

Антонъ не былъ жаденъ: передъ нимъ стоялъ еще.

непочатый штофъ,—съ него, значить, будетъ. Его дѣло, какъ таланта, научить чернъ, а въ исполненіе не вмѣшиваться; потому онъ и поспѣшилъ отклонить отъ себя лестное предложеніе.

— То есть я бы ништо... это, конечно, плевое дѣло... да гдѣ струментъ достать? Да и дѣло-то это такъ не годится орудовать. Пожалуй Лягушкинъ вамъ нагадить... Это дѣло надо по начальству.

— Прошенье подать: дождя молъ надо... Оно какъ разъ, братецъ, къ рождеству и выйдетъ, замѣтилъ балагуръ.

— Ну, нѣтъ, ты не такъ, милый человѣкъ, совсѣмъ не такъ... не по разуму, значить, судишь. Вы должны, примѣрно, идтить къ городничему... Все это какъ есть на счетъ дождя объяснить. Сруби, молъ, ваше-вскородіе—не-то, нѣтъ нашей силы терпѣть эту обиду... и мы-де сами... воля, молъ, ваша.

Въ толпѣ депутатовъ послышалось вторичное мычаніе.

— Да что вы его дурака слушаете: онъ вамъ наплететъ чорта-дѣвола, вмѣшался захмѣлѣвшій Бориско.—Одно слово варнакъ...

И онъ хотѣлъ закрѣпить свою рѣчь могучимъ кулакомъ по невзрачной фizioноміи Антона, но быстро былъ оттѣсненъ крестьянами на улицу, и покачиваясь, отъправился во свояси.

Депутатія, потолкавшись еще не много въ кабакѣ и недобившись отъ Антона ничего болѣе путнаго, дала мѣсто другимъ желающимъ, и вышла вонъ.

— А ты пей, коли тебя угощаютъ, обратился Антонъ къ сидѣвшему въ углу высокому, оборванному мужику.

— Мы бы, Антонъ Савельичъ, захватили энту посудинку-то, да въ лѣсокъ бы съ ваши пошли... вальготно бы и потолковали. Я васъ, Антонъ Савельичъ, знавалъ, когда вы у графа проживали.

— Это ты хорошо... и повиснувъ на новомъ своемъ пріятелѣ, Антонъ двинулся впередъ.

— Только, другъ ты мой любезный... какой же это графъ! Эхъ! Таковскіе разѣ у насъ въ Рассеи-то... Нѣтъ, ты только это мнѣ разъясни... разѣ таковскіе? Потому самому я плюнулъ на него и ушелъ, хоша онъ меня и водкой, и подарками... Нѣтъ молъ плевать... потому я не у таковскихъ на службѣ состоялъ.

И пробираясь за городъ, Антонъ Савельевичъ не переставалъ толковать своему новому другу, какъ онъ наплевалъ, такъ сказать, на все и разстался съ графомъ, благоразумно умалчивая про топоры, лопаты и другіе вещи, не захотѣвшія тоже оставаться у такого графа и пристроенныя Антономъ въ прохладное жилище безносаго еврея, и послѣдовавшую за тѣмъ плачевную сцену исчезновенія, при помощи энергическихъ рукъ графа, самаго Савельича со двора Кабаньскаго.

— Одначе онъ богатъ? интересовался другъ.

— Такіе-ли въ Рассеи бываютъ богачи.

Въ то время, какъ новые друзья рѣшали, на сколько богатъ Кабанскій, крестьяне волновались на базарной

площади: судили, рядили и все еще не могли рѣшить, что имъ дѣлать. Ясно было только одно, что плохая бы вышла штука, если бы въ эту минуту попался имъ на глаза Лягушкинъ.

ГЛАВА VIII,

показывающая, почему Лягушкинъ не могъ попасться на глаза мужикамъ.

Лягушкинъ съ ранняго утра былъ занятъ дѣломъ: разостлавъ на полу своей каюты простыню, онъ клеилъ изящно приготовленный имъ самимъ глобусъ для будущей, быстро подвигающейся въ соборной оградѣ, школы. Не одинъ онъ трудился для нее: Мурашевъ клеилъ картонъ для таблицъ; Илья Яковличъ, отличающійся хорошимъ почеркомъ, каллиграфировалъ грамматику, арифметику, географію и первоначальныя правила механики; Кандальцева вязала шолковые шнуры для глобуса, указокъ и проч. Каленковъ чохолъ съ кистями, для земнаго шара, у ней уже давно готовъ. Кабанскій точилъ вѣшалки для дѣтскихъ шубъ и шапокъ; словомъ—все друзья были заняты приготовленіемъ къ школѣ. Лягушкинъ съ увлеченіемъ ребенка трудится надъ бумажной землей, и, склеивъ окончательно двѣ большія чаши, онъ съ любовію смотритъ на свое произведеніе. Присѣвъ на колѣни и вытирая полотенцемъ свои руки, онъ хотѣлъ приняться за забытый

имъ стаканъ чаю, но замечтался. Презится ему, что пройдетъ немного годовъ, а въ Полуторовскѣ и его окрестностяхъ не останется ни одного безграмотнаго; умная, честная книга замѣнитъ штофъ отравленной водки, и имена ихъ, невольныхъ временныхъ жильцовъ, будутъ произноситься съ любовію. А они, одинъ за другимъ спускаясь въ свою трехъ-аршинную квартиру, смѣло скажутъ, что дѣлали честное дѣло и съ связанными руками. Пусть же нарождающееся поколѣніе, которое, во всякомъ случаѣ, будетъ счастливѣе ихъ, поведетъ далѣе святую борьбу съ невѣжествомъ! Слава святому труду!—такъ мечтаетъ Лягушкинъ. Тихій вѣтеръ, подъ часъ врываясь въ раскрытое окно, колеблетъ лежащій на полу легкій глобусъ, и покачивается онъ на экваторѣ, смотря на Лягушкина всей своей Русской стороной. «Эхъ, ты, горячая головушка!» какъ бы говоритъ онъ своимъ покачиваньемъ: «о многомъ ты мечтаешь. Спроси ты меня, землю опытную, и скажу я тебѣ мудрость вѣковѣчную: все будетъ по старому, ни что не ново подъ луною!» Но не понимаетъ Лягушкинъ значенія мудраго киванія земли, а весело уносится мыслию въ будущее, ожидая спасибо отъ младенчески нехитраго простаго человѣка.

Но что бы сказалъ онъ, если-бы перенесся на базарную площадь и услышалъ свое имя изъ устъ сотенъ этихъ младенчески нехитрыхъ людей—съ проклятіями и ему, и всему его роду? Что бы онъ сказалъ я не знаю, но я знаю, что бы онъ сдѣлалъ. Онъ понималъ бы, что они не вѣдятъ, что творять, и про-

сидѣлъ бы цѣлую ночь на своемъ солидномъ желѣзномъ табуретѣ передъ письменнымъ столомъ, а утромъ понесъ бы къ своему другу, протопопу, начало общепонятной физики. И добродушно захохоталъ-бы Ильинъ Яковичъ, съ перваго взгляду угадавъ, что Лягушкинъ ищетъ къ нему новую науку и сталъ-бы опять просить его обождать и посмотрѣть, какъ пойдетъ еще азбука.

— А то, если почему-либо протянется постройка школы— вы изготовите университетскій курсъ.

Засмѣялся-бы и Лягушкинъ, согласился-бы, что подождать съ физикой пока можно, но все таки попросилъ бы Илью Яковлевича оставить это у себя.

Ужъ это вѣрно, что Лягушкинъ сдѣлалъ-бы такъ именно. Не разъ повторялась-бы подобная исторія съ расширеніемъ школьной программы. И теперь онъ обдумывалъ, по его понятію, полезную вещь для деревенскаго мальчика: собрать всѣ статьи закона, касающіяся до крестьянскаго быта, написать всѣ его обязанности и сколько съ крестьянина идетъ подати и куда идти. Но, чтобы не сдѣлать въ этомъ дѣлѣ промаховъ, онъ рѣшилъ поручить эту работу своему товарищу, бывшему юристу.

Отдохнувъ и помечтавъ, Лягушкинъ всталъ и началъ одѣваться, осторожно обходя кивающую ему землю. Онъ намѣревался сдѣлать продолжительную экскурсію и запасаъ бутербродами, которые уложилъ въ походный чемоданчикъ. Собравшись совсѣмъ въ путь, онъ подошелъ къ столу, чтобы записать свои

метеорологическія наблюденія, но, взглянувъ на барометръ, отложила свою прогулку: барометръ обѣщалъ грозу.

— Степанида Марковна! крикнулъ онъ, приподнявъ въ передней крышку люка.

На призывъ его до половины высунулась среднихъ лѣтъ женщина, по своей конструкціи болѣе похожая на мужчину, чѣмъ на женщину. Не довѣряя тонкимъ ступенькамъ, поддерживающимъ ее, Степанида Марковна уперлась могучими руками въ полъ и съ улыбкой смотрѣла на глобуса.

— Вишь-ты, какой мячище соорудилъ.

— Это земля...

— Дѣлать-то вамъ больше нечего, какъ видно.

— А вотъ, что вы сегодня къ обѣду намѣрены сдѣлать?

— Да вѣдь вы въ лѣсъ?

— Дождя боюсь, Степанида Марковна, дождя.

— А развѣ будетъ?

— Будетъ.

— Слава тебѣ, истинный Христосъ, замучилась я съ этимъ огородомъ... а въ которомъ часу будетъ-то? Лягушкинъ засмѣялся.

— Часа и минуты сообщить вамъ не могу.

— Ну да, чего смѣяться-то... мнѣ, поди, нужно бѣлье прибрать съ улицы-то... Оскорбленная Степанида Марковна скрылась, сообщивъ уже изъ-подъ полу, что будетъ борщъ да яичница.

Барометръ все опредѣленнѣе предсказывалъ бурю—

но измученное и изможденное тѣло Лягушкина бури не чувствовало. Покончивъ съ глобусомъ, онъ принялся за устраиваемую имъ гальваническую батарею, и увлекся этой работой такъ, что не слыхалъ какъ стукнула калитка, впустившая на чистенькій дворъ галантерейнаго Квасова. Не совсѣмъ изящное сопѣніе заставило Лягушкина поднять голову отъ Даніелевыхъ кострюлекъ и съ изумленіемъ остановить глаза на красной, облитой потомъ, физіономіи градоправителя. Но по его лицу узнать цѣль прихода было нельзя, а потому, послѣ первыхъ привѣтствій, Лягушкинъ приступилъ прямо къ вопросу: чѣмъ онъ обязанъ и проч.

— Вы меня извините... такая собачья должность!.. но притомъ и дѣло довольно серьезное...

Приступъ не общалъ ничего хорошаго.

— Сейчасъ только около сотни крестьянъ являлись ко мнѣ съ жалобой на васъ.

— На меня? быть не можетъ!

Какъ ни старался Квасовъ казаться вѣжливымъ и тихимъ, со дня полученія изъ губерніи бумаги, но тутъ не выдержалъ.

— Да-съ, на васъ!.. Вы не имѣете права... тово... я не далъ вамъ, кажется, и повода не вѣрить мнѣ... мнѣ... закипятился Квасовъ.

— Да вы успокойтесь... я вамъ вѣрю, только что же я могъ сдѣлать крестьянамъ?

— Они... чортъ воз... они жалуются, что нѣтъ дождя!

Лягушкинъ захохоталъ.

— Конечно, это вамъ все можетъ казаться смѣшнымъ... вамъ конечно нѣтъ дѣла, что у нихъ хлѣбъ весь выгорѣлъ, что можетъ быть бунтъ... и... и... и...

— Но развѣ я дождемъ распоряджусь? Вы или шутите, или...

— Я очень хорошо понимаю, хотя разнымъ тамъ наукамъ и не обучался, что все это съ ихъ стороны одно суевѣріе. Но для ихъ успокоенія... во избѣжаніе бунта, я далъ имъ слово, что вы срубите свой столбъ.

— Какой столбъ?

— Вотъ этотъ!

Онъ черезъ плечо показалъ вырѣзывающійся на отуманенномъ отъ жара небѣ темный столбъ.

— Его? съ какой стати?

— Эти невѣжды полагаютъ, что отъ этого столба нѣтъ дождя, и я...

— Ну-съ, эти невѣжды могутъ такъ полагать, потому что они невѣжды, а вы, господинъ городничій, поторопились дать слово: столба я не срублю.

— Но послушайте... вы понимаете... всѣ требуютъ... вы... я долженъ смотрѣть за порядкомъ и спокойствіемъ... и если вы этого не сдѣлаете, тогда я самъ...

— Это другое дѣло!.. Если вамъ пріятно, чтобы за меня разъяснили вамъ дѣло губернскаго правительства, то я, разумѣется, препятствовать не буду.

Квасовъ, не смотря на скудный запасъ сообразительности, понявъ, на что намекаетъ этотъ врагъ отечества и припрыгнулъ на табуретъ, какъ ужаленный.

— Но вы поймите-же хорошенько дѣло: если этого

не сдѣлаете вы, то они распорядятся сами... и еще убьютъ васъ!

— Дѣло я очень хорошо понимаю. Къ начальнику являются крестьяне и говорятъ, что нѣтъ дождя... хлѣбъ сгорѣлъ, а дождя нѣтъ оттого, что у Лягушкина столбъ стоитъ. Начальникъ сначала расхохотался, а потомъ вразумительно объяснилъ имъ, что никакой столбъ помѣшать дождю не можетъ. Затѣмъ начальникъ прѣзжаетъ ко мнѣ и рассказываетъ какъ было дѣло. Видите, какъ я хорошо понимаю.

— Подите, подите, попробуйте имъ разъяснить. Потѣшаться-то нечего!

Квасовъ свирѣпо взглянулъ на распростертый у ногъ его шаръ земной, такъ свирѣпо, что Лягушкинъ счелъ благоразумнымъ поднять свое дѣтище съ полу и положить его на миниатюрный диванчикъ.

— А между прочимъ начальникъ, справившись съ барометромъ, могъ бы сообщить имъ, что дождя имъ Богъ дастъ скоро, можетъ и сегодня-же...

Квасовъ чувствовалъ, что надъ нимъ потѣшаются, но не могъ сразу сообразить въ чемъ тутъ дѣло, и свирѣпѣлъ.

— Такъ какъ-же? спросилъ онъ, вставая.

— Столба я ненамѣренъ рубить.

— Въ такомъ случаѣ на меня не пѣвайте, если крестьяне сами-съ... этакъ-съ... возмутся изложить вамъ свою мудрость.

— О! на этотъ счетъ я очень спокоенъ. Мы, какъ вамъ болѣе всѣхъ извѣстно, находимся подъ надзо-

ромъ полиціи, и странно-бы было, еслибы проницательная полиція допустила что-нибудь подобное до лицъ, ввѣренныхъ ея надзору—этому, разумѣется, ни вы не вѣрите, не повѣрятъ и въ губерніи.

«Чортъ! дьяволъ! шельмаэтакая!» мысленно повторялъ Квасовъ, ѣдучи домой. «Хорошо, кабы мужичье всѣхъ ихъ перемяло. Не будь я городничимъ, я бы ихъ науськалъ.» Но онъ вдругъ съ испугомъ началъ припоминать свою бесѣду съ мужиками: «не поощрилъ-ли онъ ихъ чѣмъ-нибудь? Пожалуй правъ, собака, жидъ, полиціи же и достанется: ввѣрены-де вашему надзору. А чортъ побери! всѣхъ купцовъ высосу, да пошлю кое-что дѣлопроизводителю, пусть сдѣлаютъ совѣтникомъ, ничего здѣсь не увидишь, кромѣ непріятностей.» И онъ принялся высасывать поставленную за столомъ бутылку и къ концу обѣда былъ готовъ всхрапнуть сномъ праведника, и дѣйствительно заснулъ на славу.

Страшный трескъ и оглушительные раскаты грома заставили его вспрыгнуть часу въ седьмомъ съ мягкаго ложа.

На дворѣ лилъ дождь какъ изъ ведра. Зигзаги молніи бороздили дымно-зеленоватыя тучи, и ударъ за ударомъ потрясалъ воздухъ.

Не скоро Квасовъ могъ привести въ порядокъ свою головную машину, но когда достигъ этого, то все-таки не могъ уяснить себѣ многого. Его смущало, что Лягушкинъ сказалъ, что будетъ дождь, и есть дождь. «И чортъ... Господи, прости меня!.. въ грозу то, да его поминать... Святъ, святъ Господь Саваоѣ!..

Ну, да, по крайней мѣрѣ, мужики будутъ довольны... святъ, святъ!.. А не догадаются, свиньи, поди, поблагодарить. Эхъ, кабы онъ столбъ-то еще срубилъ!.. Ну, да можно пустить, что припугнуль-де... стрѣлки снялъ... Святъ, святъ, святъ Господь Саваоѣ!»—такъ думалъ градоправитель, суетливо разставлявая на окнахъ своего кабинета стаканы съ водой и раскладывая тутъ-же ножи и вилки, какъ спасеніе отъ громовой стрѣлы, и постоянно крестясь и славословя.

Результатомъ всего этого было то, что въ слѣдующій баазарный день мужиковъ узнать было нельзя. Весело гуторила толпа, бесѣдуя о томъ, что вотъ-де какъ припугнуло начальство, такъ и дождя дали.

— А столбъ-то? возражали скептики,—авось, стоитъ!

— Мало што стоитъ, да стрѣлки, слышь, снялъ.

Неизвѣстно только заявлялись ли крестьяне съ благодарностію къ Квасову. Какъ, поди, не заявлялись: русскій человѣкъ добро помнить.

ГЛАВА IX,

въ которой разсказывается какимъ образомъ однимъ стало меньше.

Помнителн-ли вы Ваню Бурлакова и его мать? Помните ли ихъ послѣднюю бесѣду въ своей, теперь заколоченной, лачугѣ? Если помните, тѣмъ лучше. Мы можемъ, значитъ, возвратиться нѣсколько назадъ.

Первый день своего поступленія въ батрачество Иванъ ходилъ какъ угорѣлый и ничего не понималъ изъ приказаній своего хозяина, чѣмъ и произвелъ невыгодное впечатлѣннѣ на Кабаньскаго. Сытный обѣдъ, съ давно невиданнымъ мясомъ, Иванъ оставилъ нетронутымъ, но послѣ такого-же сытнаго ужина—онъ уснулъ такимъ сномъ, какимъ только спалъ послѣ рабочаго дня. И Кабаньскому на другой-же день пришлось перемѣнить свое первое невыгодное мнѣннѣ о своемъ работникѣ. Иванъ рубилъ дрова, и хотя щетки, вопреки его обѣщаннѣ, не летѣли въ Карнаушинское озеро, но, все-таки, летѣли такъ, какъ могли бы летѣть изъ подъ топора въ рукахъ совершенно возмужалыхъ. Да и всякая работа изъ рукъ мальчугана не валилась. Начались трудовые дни съ сытной пищей и формировали изъ него мало по

малу здороваго мужчину, такъ что, въ настоящую минуту, вы пожалуй и не узнали бы сухопараго Ивана. Лице его округлилось, здоровый румянецъ покрывалъ его щеки, порывистость и угловатость его движеній замѣнились болѣе спокойными жестами, и даже походка начинала напоминать Карнаушинскаго голову, хотя пуза, какъ предсказывалъ ему товарищъ-мальчуганъ, онъ и не отпустилъ. Онъ и мать его очень понравились Кабаньскому и этотъ послѣдній частенько бесѣдовалъ съ ними, охотно отвѣчая на распросы любознательнаго парня. Всѣмъ имъ было хорошо. Но тянуло ихъ что-то невольно въ свою первую лачугу, и получаемое жалованье аккуратно завязывалось ими въ тряпицы и пряталось въ уголь сундука, все яснѣе и яснѣе порождая въ нихъ мечты о реставраціи ихъ карнаушинской лачуги. И любили они, сидя вечеромъ на крыльцѣ кухни и прислушиваясь къ крику галокъ въ карнаушинской рошѣ,—потолковать объ этомъ достолюбезномъ предметѣ. Особенно много говорилось о немъ въ тѣ дни, когда придирчивый графскій поваръ, почему-то не влюбившій эту пару, накричитъ на нихъ и ругательски обругаетъ ни за что ни про что, а такъ себѣ—здорово живешь.

— Майнька, говоритъ Иванъ,—а поваръ-то опять муки сволокъ къ себѣ.

— Ну его, собаку, что подѣлаешь: не вѣрить хозяинъ-то... что сдѣлаешь..

— А я его съ мѣшкомъ когда-нибудь поймаю, да и сволоку къ барину, сказалъ какъ-то нерѣшительно Иванъ, признавая внутренне всю несообразность словъ

своихъ, такъ какъ на дѣлѣ было то, что повара Иванъ боялся пуще, чѣмъ барина. Да и на взглядъ Ивана—Клементій Трофимычъ былъ важнѣе самаго барина. Тотъ весь въ черномъ, а у этого жилетъ одинъ—просто глазамъ больно, брюки яркія, часы большущіе, цѣпь блеститъ, на рукахъ кольца понадѣваны, а какъ крикнетъ, такъ просто присядешь. И такую-то персону поволокъ бы Иванъ къ барину!

— Надоть-бы Клементію-то Трофимычу и Бога знать! Ничѣмъ его баринъ-то не оставляетъ: домъ ему вонъ какой выстроилъ, жена его разодрѣнется, словно барыня какая...

— Вотъ бы намъ такой домъ-то, а?

Иванъ весело засмѣялся, и весело вторила ему мать.

— Ну ужъ ты...

— Иванъ! раздался громкій голосъ барина, показавшагося у окна:—снеси въ садъ стулья и столъ, туда-же и самоваръ. Отправимтесь и мы, обратился онъ къ своимъ гостямъ: Лягушкину, Мурашеву, Шпильгаузену, Мурашевой и Кандальцевой.

И вскорѣ на скамейкахъ и стульяхъ, вокругъ чайнаго стола, подъ густо разросшимися липами, сидѣла вся компанія, давно не выдавшая такимъ веселымъ и любезнымъ своего хозяина, какимъ онъ былъ сегодня.

— Славный у васъ садъ, замѣтила Кандальцева, протягивая руку, чтобы сорвать росшій по близости цвѣтокъ.

Хозяинъ бросился изъ подъ липъ, и минуты черезъ двѣ подалъ дамамъ по букету.

— Недурень. Я думалъ было въ будущемъ году заняться имъ и сдѣлать изъ него что нибудь дѣйствительно хорошее, но врядъ ли удастся.

— Почему?

— Впрочемъ, дай Богъ, чтобъ и не удалось, прибавилъ онъ вмѣсто отвѣта:—я сегодня такъ радъ, такъ веселъ, что забылъ даже подѣлиться съ вами своей радостью. Я получилъ письмо отъ брата: онъ пишетъ, что мы скоро можемъ увидѣться; нашихъ возвращаютъ, и матери обѣщали, что я также не буду забытъ.

Странное впечатлѣніе произвело это извѣстіе на всю компанію: они сами столько разъ радовались за себя, между тѣмъ ихъ радость и мечты столько разъ разлетались прахомъ, такъ что подобнымъ извѣстіямъ они уже болѣе не вѣрили. Первою мыслию у всѣхъ было то, что и надежды Кабаньскаго постигнетъ таже участь. Но тутъ вопросъ былъ въ томъ, какъ подѣйствуетъ подобное разочарованіе на Кабаньскаго, уже нравственно потрясеннаго? Лягушкинъ хотѣлъ было тутъ-же отвести скептически къ этому извѣстію, но, взглянувъ на Кабаньскаго, не сказалъ ни слова: у него не достало духу разбивать его надежды. «Будь, что будетъ, а будетъ то, что Богъ дастъ,» мысленно произнесъ онъ свою обычную поговорку. Кандальцева и Мурашева радостно принялись поздравлять его, и своими голосами покрыли Мурашевское «охъ-хо-хо». Шпильгаузенъ молча пожалъ ему руку. Но Кабаньскій замѣтилъ молчаніе Мурашева и Лягушкина и перетолковалъ его въ другую сторону; его собственная радость показалась

ему не деликатной: про Русскихъ изгнанниковъ въ письмѣ не говорилось. Значить, ихъ дѣло остается въ прежнемъ положеніи, и требовать отъ людей, чтобы они радовались чужой радости, забывая свое горе,— несправедливо. Если нечѣмъ порадовать и ихъ, то лучше оставить свою радость въ сторонѣ, и онъ постарался перевести рѣчь на посторонніе предметы.

Иванъ, вошедшій въ садъ съ косою, сказалъ Кабаньскому, что къ нему пришли изъ Карнаушки два мужика, братья Нагибины, очень-де нужно повидать. Кабаньскій, оставивъ гостей, быстро пошелъ изъ саду, показавъ мимоходомъ Ивану съ которой стороны тотъ долженъ начинать косить овесъ, засѣянный въ одномъ изъ огородовъ.

— Ну, это скверно... можетъ кончиться плохо, сказалъ Лягушкинъ:— я еще никогда не видалъ его такимъ веселымъ.

— Но, вѣроятно, братъ не сталъ бы писать ему и передавать за истину пустыхъ слуховъ, замѣтилъ неувѣренно Мурашевъ.

— Дѣло въ томъ, что родные не вполне знаютъ его душевное состояніе.

— А можетъ быть! Мнѣ почему-то кажется, что на этотъ разъ его и не обманетъ надежда. Меня предчувствіе рѣдко обманываетъ, проговорила Кандальцева.

Мурашевъ развеселился, и напалъ на нее, привашился доказывать, что въ ея года (а года свои Василиса Александровна имѣла слабость скрывать) предчувствіямъ вѣрить нельзя.

— Я уже двадцать лѣтъ не вѣрю никакимъ предчувствіямъ, а вѣдь вы мнѣ ровестница.

Это, разумѣется, было ужъ слишкомъ. Кандальцева сначала шутя доказывала вадорность его предположеній, но потомъ, мало по малу, начала горячиться и тѣмъ дала поводъ Мурашеву продолжать свою шутку. Ему, Мурашеву, интересно было знать: не помнить ли она Суворова? А она непременно должна его помнить: въ концѣ семисотыхъ годовъ, онъ проѣзжалъ чрезъ ихъ имѣніе. Василиса Александровна горячилась, Матрена Кондратьевна хохотала. Вошедшій Кабаньскій положилъ конецъ этой сценѣ.

— Кто это былъ? спросилъ Лягушкинъ.

— А это Нагибины... хорошіе старики, привесли мнѣ долгъ и настаивали, чтобы я взялъ съ нихъ проценты. Славные мужики!.. Да, моя жизнь здѣсь прошла не безъ пользы; я узналъ, что подкладка у Россіи славная. Хорошая ждетъ ее будущности!

— Ого! еще бы! началъ патетически Мурашевъ. Вы возьмите во вниманіе однихъ нашихъ русскихъ раскольниковъ. Что это за народъ! Я увѣренъ, что въ послѣдствіи онъ непременно будетъ играть роль, и славную роль!

— Дай Богъ, дай Богъ!.. А все-таки я, возвратившись, поклонюсь могиламъ отцовъ, возьму съ собою матушку,—и за границу, за границу! въ Швейцарію, въ свой Кобургскій замокъ. Вы не знаете, я вѣдь графъ Кобургскій. Да, вы этимъ не шутите. Аугсбургская фамилія считалась ленной фамиліей графовъ Кобурговъ,

и ежегодно являлась въ замокъ, поднося на золотомъ блюдѣ рыбу. Не правда ли, весело будетъ, когда другъ мой Иванъ (я съ собой возьму Ивана) докладываетъ: аугсбургцы съ рыбой.

— Большой это замокъ? поинтересовалась Матрена Кондратьевна.

— Нѣтъ, просто домикъ. Но видите, тутъ есть одна старая башня, владѣтель которой принимаетъ титулъ графа Кобургскаго.

— И право получать, разъ въ годъ, рыбу? засмѣялся Лагушкинъ.

— Вы что-же, смѣтаетесь-то. Конечно немного, но вы разочтите, сколько времени они не платили этого оброка, такъ что если я потребую и за себя, и за предковъ, то провизіи хватитъ у меня надолго. И онъ весело засмѣялся. Жаль не знаю, шли-ли намъ я блюда золотыя? надо будетъ справиться.

— Ничего, берите и блюда. Какъ человѣкъ обрусѣвшій, вы не брезгайте ни чѣмъ, посовѣтовала Кандальцева.

Разговоръ коснулся Швейцаріи, и Кобанскій принялся рассказывать про свои заграничныя странствованія. Оживлявшая его радость, при воспоминаніи прошлыхъ молодыхъ лѣтъ, перешла въ тихое умиленіе, и онъ рассказывалъ долго, задушевнымъ голосомъ, по временамъ заикаясь и отыскивая слова въ не вполнѣ знакомомъ ему русскомъ языкѣ.

Въ воздухѣ стояла тишь, и только слѣва жужжаніе Ивановой косы показывало, что парень трудится на славу. Да издали, съ карнаушенской рощи, доносится

многоголосный концертъ галокъ, напоминая Ивану его заветную мечту о поправкѣ лачуги. Расходилась рука, раззудилось плечо! Остановится онъ на минуту, переведетъ духъ. «Не довольно-ли»? спросить себя мысленно, и въ отвѣтъ снова пойдетъ махать блестящей косой своей. «А удивлю же я завтра барина, коли половину-то всю выкошу», думаетъ онъ, обтирая рукавомъ потъ съ лица, — и снова пошла коса въ дѣло. Солнце спустилось; начало дѣлаться темно; на сосѣдней крышѣ устроилась серенада влюбленныхъ кошекъ.

Гости разошлись. Иванъ оставилъ свою работу, ста-скалъ столъ и стулья въ комнаты, гдѣ весело пѣлъ Кабаньскій, аккомпанируя себѣ на фортепіано, и, поужинавъ и заперевъ ворота, повалился на свое ложе. Онъ заснулъ богатырски, съ твердымъ намѣреніемъ встать завтра по раньше, докосить начатую полосу и тѣмъ удивить хозяина.

Но не пришлось Ванькѣ Бурлакову удивить своего хозяина! Весь городъ дрогнулъ отъ испуга и удавленія, узнавъ утромъ, что Кабаньскій лежитъ на своей кровати съ отрубленной головой.

ГЛАВА X,

**въ которой юный авторъ, кружившійся въ средѣ выше-
описанныхъ личностей, добромъ поминаетъ свое
прошлое.**

Коснувши сѣдѣтства, нескоро разстанешься съ нимъ. Тепло и зелень вѣтъ на челоуѣка, пользовавшагося (что случается у насъ очень рѣдко) добрымъ дѣтствомъ и принявшагося рыться въ своемъ прошломъ; какъ росой освѣжаетъ начинающее ожесточаться сердце. Веселые пейзажи встаютъ и въ моемъ воображеніи, простые, но веселые. Вотъ соборная колокольня, облитая розовымъ свѣтомъ утра, съ блестящимъ, отъ восходящаго солнца, крестомъ. Я какъ-будто сейчасъ вижу длинную тѣнь ея, протянувшуюся чрезъ всю площадь. Вижу нашу только-что испеченную сѣренскую школу съ крылечкомъ, на рундукахъ котораго такъ удобно и пріятно сидѣть, вздрагивая отъ прохладнаго воздуха и не совѣмъ еще прошедшаго сна. Удобно и весело сидѣть тутъ, срѣзывая соломенной выступившую на стѣнѣ, отъ вчерашняго жару, жесткую, какъ

янтарь, сѣру,—сидѣть, прислушиваясь къ чиликанью воробьевъ, любясь полетомъ сверкающихъ около креста галокъ и чувствуя, что не одному тебѣ весело, а весело и отрадно и зеленой муравѣ, и красному обломку кирпича, и обвалившейся штукатуркѣ. На всемъ блескѣ и радостный свѣтъ раннего утра: весело смотреть даже окно у ратуши, съ разбитымъ стекломъ. А какъ было страшно въ то время, когда мячъ, пущенный геройской рукой Молотилова, одного изъ нашихъ силачей, взвился къ поднебесью, описалъ параболу и со звономъ влетѣлъ въ это окно. Ухъ, какой же сердитый выскочилъ изъ дверей ратуши сторожъ! Такой сердитый, что врядъ-ли у васъ повернулся бы языкъ порицать насъ за то, что мы такъ быстро разсыпались въ стороны, оставивъ растерявагося Молотилова одного на произволъ судьбы и разгнѣваннаго сторожа. Да, я вижу ясно, какъ онъ стоитъ съ поличнымъ—съ опущенной лапатою, какъ-то странно улыбаясь и разсматривая свои босые ноги.

Часы идутъ. Церковная тѣнь укорачивается. Приближается время классовъ, и предтеча науки: лысый трапезникъ выходитъ изъ церкви съ ключомъ отъ первыхъ комнатъ нашей школы. И какъ-же обрадовалось ему солнышко; такъ и заиграло на его загорѣломъ лицѣ и на его свѣтлой лысинѣ. Помню я Оадѣича, зналъ онъ меня и я его зналъ. Не разъ я сиживалъ въ его миниатюрной сторожкѣ, подъ колокольной лѣстницей, дожидаясь, пока отецъ діаконъ вынималъ изъ кружки, впредь до раздѣла, копеекъ пятьдесятъ для

завтрашняго обѣда. Сажу и смотрю бывало на Фадѣича, какъ онъ точаетъ большущіе сапоги, смотрю на него, смотрю на пожелтѣвшія стѣны и своды его каморки, на которыхъ такъ четко и такъ кудряво написано мѣломъ: діаконъ такой-то подписуюсь, или: діаконъ такой-то руку приложилъ. Въ такихъ подписяхъ болѣе всего упражнялись дьячки и пономари въ минуту соблазнительной мечты о діаконскомъ санѣ; при чемъ дѣйствительные діакона не упускали случая слово «діаконъ» переправить въ «діаволь»: «вотъ молъ ты кто, а до діаконства-то еще у тебя носъ не доросъ».

Отперто предверіе классовъ, но въ лѣтній ясный день едва-ли кто оставитъ церковную ограду до звонка. Группами разсыпался по ней мелкій народъ. И Боже мой! какихъ только не было тутъ костюмовъ, начиная отъ франтовской курточки барича, сына губернскаго прокурора, присланнаго въ Полуторовскъ, вслѣдствіе дошедшихъ туда слуховъ объ успѣхахъ въ нашей школѣ, до азяма, заплатаннаго синими и бѣлыми холщевыми заплатами. Тутъ были и два татарчоночка съ чисто выбритыми головами въ своихъ національных костюмахъ. Были два брата въ казацкихъ казакинахъ и босые; былъ тутъ и Васильевъ въ разорванномъ халатѣ и въ сапогахъ съ каблучками на манеръ бочечковъ. И зналъ я, что не утерпитъ этотъ Васильевъ, чтобы не воспользоваться во время классовъ минутой, когда отвернется отъ насъ нашъ надзиратель причетникъ, Евгеній Олгонтовичъ,—не утерпитъ Васильевъ, чтобы

не приподнять ноги и не шепнуть сосѣду, указывая на каблукъ.

— Совершенный боченочекъ, и продолжить въ слухъ: къ Сѣверу—Сѣверный океанъ, къ Западу—Уральскій хребетъ. И воспользовавшись новой минутой, продолжить заветную свою думу: а вотъ я ихъ ваксой буду чистить. Самъ сдѣлалъ—мать сахару дала. Они такіе-же будутъ, какъ у Дмитрія Ивановича.

Да, разноколиберные, поражающіе были костюмы. Но тѣшилось и радовалось сердце Лягушкина, смотря на весь этотъ дружный между собою сбродъ, такъ весело прибѣгающій ежедневно въ классы, не смотря ни на какую погоду: ни на зной, ни на стужу. И еще съ большей энергіей принимался онъ съ другомъ своимъ протопопомъ отстаивать свое незаконное дѣтище, отписываясь отъ разныхъ дрягъ. Много должно быть было этихъ дрягъ, но мы, дѣти, ихъ не знали. Только раза два проносился между нами слухъ, что закроютъ нашу школу, и вѣшали мы головы и соображали зачѣмъ и почему? Рѣдкое явленіе, не правда ли:—что мы, ребята, любили школу и учились безъ розги!

Задумывались ребята и осыпали насъ первенцовъ вопросами: почему? и для чего? А первенцовъ насъ было пятеро выбрано изъ большаго списка охотниковъ: два брата Женни, я, пузанъ Меньшиковъ и франтъ Васильевъ. Всѣ пятеро въ одинъ праздничный день съ крестами и образами двинулись впереди толпы изъ церкви въ эту школу; насъ первыхъ окропили святой водой, и на другой день поставили къ желѣзному полукругу, слѣдова-

тельно, почетъ и уваженіе прочихъ мальчугановъ, набравшихся вскорѣ съ сотню, мы принимали, какъ должную дань нашимъ заслугамъ.

Но почему закроютъ нашу школу и разгонятъ насъ,—рѣшить этого мы все таки не могли. Мы могли только рассказать, какъ она открылась и что потомъ слѣдовало. И повѣствуетъ пузанъ Меньшиковъ: «Привели насъ... поставили, а потомъ повели за столъ—мы помолились, а потомъ пошли къ полукружію...»

— Ну, да это какъ и теперь, перебиваетъ нетерпѣливый татарчукъ Сабанаковъ.

— Вовсе нѣтъ, поддерживаетъ Меньшикова Франтъ Васильевъ:—теперь Дмитрій Ивановичъ говоритъ: первая половина направо, вторая—налѣво, а тогда просто сказалъ: налѣво идите.

Поддержанный такимъ манеромъ, пузанъ продолжаетъ: «Ну, мы и стали учиться, ужъ долго учились, только вдругъ приходитъ смотритель изъ другаго училища; ушли они съ Дмитріемъ Ивановичемъ въ уголъ и начали говорить. Дмитрій Ивановичъ говорилъ—говорилъ, потомъ разсердился: адѣсь, говорить, не мѣсто, уйдите; тотъ разсердился и ушелъ... такъ дверью хлопнулъ! А Дмитрій Ивановичъ на замокъ дверь заперъ и сталъ все запирать. Мы начнемъ учиться, а онъ запретъ... Отецъ протопопъ придетъ, постучится тростью въ окно, онъ отпретъ, впуститъ его и опять запретъ, а потомъ не стали запирать».

— А смотритель не прибѣгалъ?

— Нѣтъ, еще разъ былъ... Насъ ужъ тогда много было.

— А, помнимъ!.. помнимъ! раздались голоса.

— А, онъ должно быть драть васъ хотѣлъ, какъ въ первый-то разъ прибѣгалъ, замѣтилъ Молотиловъ.

— Ну, какъ-же! обидѣлись мы хоромъ.

— Такъ зачѣмъ-же Дмитрій-то Иванычъ разсердился, да прогналъ его?.. Онъ тамъ своихъ-то, у! какъ деретъ... Ну, а второй-то разъ, Дмитрій Иванычъ его не прогналъ?

— Нѣтъ, второй-то разъ, онъ только въ таблицахъ все рылся, потомъ пропись одну взялъ и унесъ.

— Зачѣмъ?

— Не знаю.

— Котору пропись-то? «Рыбакъ рыбака», штоли?

— Нѣтъ, той нѣтъ, онъ ту не принесъ, это «Служилъ у пана семь лѣтъ, выслужилъ семь рѣпъ, за Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаетъ», и еще чего-то?

— «Всякъ Еремѣй про себя разумѣй!»

— А, помню, писалъ я этого Еремѣя.

— Гдѣ ты его писалъ-то! Онъ подико-сь до тебя ее ваялъ!

— Ей Богу, писалъ, еще капнулъ на этого самого Еремѣя.

— Ну, какъ-же!

— Да вотъ-те Христось, капнулъ на Еремѣя: мнѣ чего вамъ врать-то.

На крыльцѣ показывается Дмитрій Иванычъ съ по-

серебрянымъ колокольчикомъ, и гурьба несется въ классъ.

— Ну, стройтесь!

И строимся мы во всю длину передней тремя длинными колоннами, и перекликаетъ насъ всѣхъ Евгений Олеговичъ, указывая мѣсто каждому по вчерашнимъ его заслугамъ, роздавая ярлыки на лентахъ съ надписями: старшій такого-то круга и первый. Надѣвъ себѣ на шею эти знаки отличія, кавалеры гордо вносятъ свои головы въ отворившіяся двери. Особенно высоко поднимались головы такихъ счастливицевъ, когда въ школѣ бывали посѣтители, а пріѣзжіе посѣтители начали таки частенько заглядывать въ нашу школу. Много ужъ шумѣли о ней.

Полуторовскія власти, присутствовавшія при открытіи школы, отнеслись сначала благосклонно, т. е. мысленно рѣшили: плевать-де намъ, тешьтесь, коли есть охота; ни тепло намъ отъ вашей школы, ни холодно. Но оказалось, что одной власти—имено ученой, могло быть и холодно: въ уѣздное училище перестали отдавать, даже стали брать оттуда. Предвидѣлся плохой исходъ—быстро приближалась цифра, при которой, пожалуй, начальство найдется вынужденнымъ закрыть уѣздное училище. Полетѣлъ въ губернію доносъ, что лице, которому никомъ образомъ нельзя довѣрить просвѣщеніе—обучаетъ дѣтей. На доносъ послѣдовалъ запросъ: какъ и почему? Оказалось, что обучаетъ дѣтей протопопъ, а незаконное лице только показало порядокъ, какъ устраиваются Ланкастерскія школы.

Не упалъ духомъ свѣтильникъ полуторовскаго міра: отыскавъ, по его понятію, противо-правительственную пропись, онъ написалъ на эту пропись нѣсколько листовъ коментаріевъ и препроводилъ въ дирекцію, выискивавшую только случая пресѣчь незаконное существованіе школы.

Губернскіе друзья Лягушкина, разумѣется, горячо хлопотали за существованіе школы, но ничего не могли сдѣлать. Требовалось подчинять ее неусыпному контролю смотрителя. Ёкнуло сердце Лягушкина. Грустно сдѣлалось за спины навербованныхъ имъ ребятъ. Долго думали и гадали, и въ концѣ концовъ порѣшили:

Такъ какъ школа при церкви; и если добрыхъ дѣлъ безъ контроля дѣлать не полагается, то и сдать ее архіерею. Приди и владѣй нами, и борись съ нашими врагами и супостатами. Дождались его пріѣзда, да такъ и сдѣлали, и вышло дѣло ладно.

Просмотрѣлъ архіерей всѣ наши Ланкастерскія штуки — нашелъ все это хотя и новымъ, но дѣльнымъ и цѣлесобразнымъ. Замѣтилъ, что отъ всего пахнетъ чистой простотой и какимъ-то квакерствомъ, а затѣмъ посовѣтовалъ ввести въ программу школы нотное пѣніе и уѣхалъ. Враги были побѣждены. Миръ насталъ.

Много у насъ было посѣтителей и властей и невластей. Первыхъ мы отличали отъ послѣднихъ только тѣмъ, что Дмитрія Ивановича въ это время въ школѣ не бывало.

Покончивъ съ классами, веселыми и бодрыми разсыпались мы по городу. Мы учились шутя и нисколько

не считали трудомъ нашу науку, такъ что я послѣ школы ходилъ еще къ Мурашеву и занимался вмѣстѣ съ Женни. Меня вели впереди школы, гдѣ я долженъ былъ помогать и Лягушкину и Евгенію Олеговичу.

Занимался я подь руководствомъ Ивана Матвѣича. Географія и русская граматика шли у меня хорошо, въ познаніи сихъ полѣзныхъ наукъ стоялъ я на одной ступени съ своей соученицей—Женни, но Иванъ Матвѣичъ, имѣвшій прежде обо мнѣ высокое мнѣніе, теперь начиналъ во мнѣ разочаровываться, и считалъ Женни выше меня. Впрочемъ, сія хитрая подруга моего дѣтства не мало способствовала этому своими уловками. Помню, какъ-то разъ, заглядѣвшись на разваливающуюся крышу противоположнаго дома, сквозь которую такъ славно виднѣлось синее небо, я забылъ, гдѣ я и что дѣлаю, предавшись, въ ущербъ наукѣ, эстетическимъ созерцаніямъ. Иванъ Матвѣичъ, въ свою очередь, созерцалъ меня, а Женни, не знавшая на этотъ разъ урока, стоя за мной, шепчетъ какой-то вздоръ, усиливаясь показать, что подсказываетъ урокъ.

— Женни! прерываетъ паузу Иванъ Матвѣичъ:—это хорошо, съ твоей стороны, что ты хочешь помочь ему, но впередъ этого не дѣлай: онъ долженъ знать самъ свой урокъ. Слова эти возвратили меня изъ прекраснаго далека на научную почву, и я посиѣшилъ отвѣтомъ.

— Зачѣмъ ты показывала, что подсказываешь мнѣ? спросилъ я потомъ своего коварнаго друга.

Смѣется. Ну, и подите: толкуйте съ нею. Преумненная была дѣвочка, но была одержима страстью кого нибудь дурачить.

Помню и другой урокъ, изъ географіи. Иванъ Матвѣичъ былъ не въ духѣ и чтобы не вносить своей хандры въ нашу бесѣду, унесъ ее въ лѣсъ, поручивъ намъ приготовить урокъ далѣе. Стоимъ мы предъ земнымъ шаромъ, тоже произведеніемъ Лягушкинскихъ рукъ, съ тетрадами въ рукахъ, подыскивая острова. Матрена Кондратьевна—на террасѣ, съ хроническимъ чулкомъ; въ растворенныя двери вѣетъ свѣжестію и манить къ прелестямъ дѣйствительной земли. Женни закрываетъ глаза, бросаетъ тетрадь ни близъ—стоящій табуретъ и склоняетъ на мое плечо свою буйную головку. Водворяется тишина.

— Дѣти, занимайтесь-же! раздается съ террасы голосъ Матрены Кондратьевны.

Не перемѣняя позы, Женни начинаетъ:

— Острова Чулошные, острова Злой щуки, острова Яги-бабы...

— Женни, ты вздоръ тамъ, кажется, говоришь. Я скажу Ивану Матвѣичу.

— Да, Матрена Кондратьевна, посудите сами, мы вѣдь острова подыскиваемъ... въ тетрадки такъ написано...

— Ну, ладно, ладно.

Въ городѣ Потуторовскѣ есть большая улица, длин-

ная—предлинная и такая широкая, что даже Михайлъ Капитонычъ Болотниковъ—туземный учитель и туземный—же авторъ поэтической летучей рогожки—на что, кажется, былъ великъ, а и онъ, если стоитъ на другой сторонѣ улицы, то оказывается такимъ маленькимъ. Не на этой-ли улицѣ видѣли его гг. рецензенты? И не съ этой-ли точки зрѣнія отвергли въ немъ все величіе и его, и его летучей рогожки?

Почти на самомъ концѣ этой улицы есть небольшой домикъ въ четыре окна. Выстроили его уже давно, развели при немъ садъ и стали въ немъ жить да поживать. Въ исторіи этого домика значитъ, что первый его хозяинъ отравился, а второй, Кабаньскій, съ годъ тому назадъ убитъ.

Не знаю и не понимаю, что за причина была у перваго владѣльца разстаться такимъ манеромъ съ своимъ домомъ, когда передъ этимъ домомъ такая веселая, широкая улица. Наскучить смотрѣть на нее и ждать рѣдкаго появленія какого-нибудь прохожаго, стоило только выдти во дворъ и передъ вашими глазами, подъ навѣсомъ между двумя сараями, рѣшотчатая двери въ садъ. Разнаго цвѣта и вида зелень такъ и свѣтится промежъ темныхъ перекладинокъ рѣшотки: снизу три или четыре клѣточки закрываются огромнымъ листомъ репейника, затѣмъ чѣмъ выше, тѣмъ зелень меньше и свѣтлѣе и, наконецъ, сквозь среднія клѣточки вы можете любоваться скамейками, приютившимися подъ тѣнію липъ. Кое-гдѣ изъ-за зелени блеститъ золотистая часть дорожки, кое-гдѣ привѣтливо киваетъ головкой розовый цвѣтокъ. Со скрипомъ

отворяются двери сада, и вы смѣло можете бѣжать по прямой дорожкѣ подъ липы на старыя качающіяся скамьи и тамъ въ тѣни отдохнуть. Но если ваша кровь кипить, какъ кипѣла у меня въ девять лѣтъ, то, не отдыхая, неситесь назадъ, сверните съ половины дороги на право, добѣгите до узловатаго ствола черемухи, обхватите его крѣпко руками, какъ обхватываете давно невиданнаго друга, и въ три прыжка вы на вершинѣ этого старца. Надѣюсь, что не пожалѣете своихъ трудовъ: на право, на лѣво, по лицу и рукамъ бьютъ васъ спѣлыя кисти мягкой и сладкой черемухи. Кругомъ же васъ, подъ ногами, виды одинъ другаго лучше. И при всемъ этомъ можетъ придти мысль о смерти!—не понимаю.

Второй хозяинъ дома, графъ Кабанскій, не только самъ не рѣшился бы отравиться, но даже боялся, чтобы кто другой не сдѣлалъ съ нимъ этого. Онъ всѣхъ подозревалъ. Спросить, бывало, въ гостяхъ стаканъ воды, посмотреть на него подозрительно, потомъ выплеснетъ за окно и пойдетъ налить себѣ самъ. Но не отъ отравы пришлось умереть ему.

Третьимъ хозяиномъ этого дома былъ мой отецъ. И садъ, принадлежащій къ этому дому, былъ постоянною моею лѣтнею резиденціей. Я не выходилъ оттуда всю свободное время, кочуя съ мѣста на мѣсто, изъ аллеи акацій въ аллею изъ черемухъ, или въ средину пышно разросшагося краснаго смороденика. Каждый уголокъ этого сада имѣлъ для меня свою прелесть. Счастливымъ и довольнымъ носился я изъ конца въ конецъ, пользуясь временемъ, пока солнце не спряталось еще за крышу со-

сѣдки Варлачихи, обладающей удивительнымъ талантомъ стряпать на весь городъ неизмовѣрно вкусные крендельки и булочки. Такъ вотъ за ея то хитрину солнце имѣло обыкновеніе прятаться лѣтомъ. Начнеть, бывало, мало по малу подбирать свой свѣтъ съ земли выше и выше, вотъ ужъ не много осталось его на верхушкахъ липъ, и, наконецъ, поцѣловавъ далекій крестъ соборной колокольни, что оно дѣлало всегда вставая и уходя спать, и спрячется за крышу Варлачихи, только развѣ еще разъ проглянетъ въ щели крыши, какъ шалунъ ребенокъ сквозь скважину полога своей кровати—скажетъ тю-тю! и исчезнетъ.

Съ солнцемъ кончалось и мое царствованіе въ саду. Да и пора мнѣ уходить оттуда. Подъ каждымъ наклонившимся деревомъ, съ этого часу, начинали копошиться всѣ эти колдуны, русалки, лѣшіе и вѣдьмы, теоретическимъ знакомствомъ съ которыми я былъ обязанъ словоохотливымъ нянькамъ да кучеру Петру, котораго лично, подъ хмѣльную руку, эти любители тьмы заводили Богъ вѣсть куда—чаще же всего къ проруби. И если ужъ такой силачъ, какъ нашъ Петръ, не могъ справиться съ ними, то что-же могу сдѣлать я? Рѣшительно ничего не смогу сдѣлать! А то еще вдругъ изъ оранжереи выйдетъ бывшій хозяинъ, весь въ черномъ, съ привязанной къ шеѣ головой, выйдетъ и...

Какъ ни быстро можетъ промелькнуть послѣднее предположеніе, однако, начавшись среди сада, оно оканчивалось тогда, когда я былъ уже внѣ онаго и крѣпко запиралъ рѣшетчатыя двери, впиваясь пугливымъ и

любопытнымъ взглядомъ въ привлекательную, по своей таинственности, неподвижную массу темной зелени.

Но все-таки было еще и сомнѣніе: зачѣмъ всѣмъ этимъ, къ ночи неупоминаемымъ, господамъ быть въ нашемъ саду? Вѣдь они живутъ болѣе по болотамъ, да и садъ этотъ протопопскій. Да и самъ я отлично знаю на память, и сейчасъ-же прочту—и начинаю я читать прильнувъ къ рѣшеткѣ: «Да воскреснетъ Богъ.»

Скоро, однако, моимъ сомнѣніямъ касательно этого предмета насталъ конецъ. Разъ, на своихъ классическихъ дорогахъ, возвращались мы отъ всенощной. Мы тихо, очень тихо пѣли, и намъ было очень хорошо, и говорить никому не хотѣлось. Возница, Петръ, имѣвшій слабость радоваться празднику наканунѣ, одерживалъ и безъ того не быстроногую, почтенную по лѣтамъ, нашу лошадь. И такимъ образомъ мы тихо подвигались по нашей улицѣ, потомъ вкатились въ простран- ный дворъ нашъ, гдѣ и были озадачены усиленнымъ лаемъ собакъ, съ остервененіемъ бросавшихся къ дверямъ сада.

Явилась потребность въ храбрецѣ, который-бы рѣшился узнать причину лая. Петръ, вооруженный бичемъ, отправился на рекогносцировку. Скрикнули двери, и мы остались дожидать результатовъ. Быстро и болѣе твердымъ шагомъ привесся онъ назадъ и сообщилъ намъ, что прошелъ-де онъ до середины сада, пришелъ и видитъ: стоитъ кто-то весь въ бѣломъ, руки поднялъ кверху и кричитъ. Разсмѣялись надъ его трусостью, но повѣрить дѣло никто не рѣшился.

— Я пойду, говорить кой-кто изъ насъ.

— Ну, иди, иди, раздастся вокругъ смѣльчака.

И вотъ закинувъ голову кверху, смѣло подходитъ смѣльчакъ къ дверцамъ и церемоннымъ шагомъ возвращается къ хохочущей группѣ.

На другой день, утромъ, быстро неся я въ садъ, перескакивая черезъ клумбы и обдавая свои ноги росой, прямо къ мѣсту, указанному Петромъ, — взглянуть хоть на слѣдъ вчерашняго фантома. Но, къ своему изумленію, нашелъ тутъ вещь, которую, изъ деликатности, назову коровьей визитной карточкой.

Петръ божился, что вчера была тутъ совсѣмъ не корова, да и я слыхалъ прежде, что привидѣнія оставляютъ иногда гадкія вещи, особенно на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ зарыты клады.

— Дай-ко мнѣ, Петръ, лопату желѣзную, и безъ возраженія приносить онъ мнѣ самую легонькую. Очевидно, что въ моей и въ его, начинающей сѣдѣть, головѣ одна и таже мысль. И вотъ я рою, рою и удивляюсь, почему это я вчера не пошелъ? Что тутъ страшнаго? Пришель-бы, ударилъ, сказалъ:» аминь, аминь, разсыпся,» и были-бы все деньги, все деньги. Отецъ бы обрадовался... долги заплатили бы. Но увы! Лишь солнце отправилось за Варлачихину крышу, я быстрѣе чѣмъ когда-нибудь повесся изъ саду.

ГЛАВА XI,

начинающаяся появленіемъ двухъ новыхъ лицъ и оканчивающаяся днемъ совершеннолѣтія Вани Бурлакова.

Не помню рысью или галопомъ неся я изъ саду, но вдругъ налетѣлъ на вывернувшихся изъ-за угла двухъ незнакомцевъ и Ивана Матвѣича Мурашева.

— Рекомендую тебѣ, съ достодожною важностію обратился ко мнѣ Иванъ Матвѣичъ:—еще двухъ нашихъ; это Иванъ Степанычъ Гущинъ, а это Петръ Евгеньичъ князь Удольскій.—Дома Илья Яковличъ?

— Дома.

И мы двинулись къ дому.

— Вотъ этотъ, говоритъ Матвѣй Ивановичъ, показывая на Удольскаго,—одинъ изъ главныхъ.

Я взбросилъ глаза по указанію; передо мною шелъ довольно тонкій господинъ, не много сгорбленный, въ сѣромъ коротенькомъ пальто, съ маленькими, похожими на запятыя, свѣтлыми бакенбардами, между которыми помѣщалось длинноватое кроткое лицо, въ родѣ того, какъ будто художникъ, набросавъ опытной рукою тѣнь и свѣтъ, взялъ флейсъ и сгладилъ слегка свою работу, и вотъ на картинѣ осталась и пріятная мягкость, и неопредѣлен-

ность, и незаконченность. Такія лица скоро забываются въ частностях, но памяты въ общемъ. Я перенесъ глаза на его товарища: этотъ былъ выше князя и, пожалуй, въ трое толще. Черты лица крупныя, голубые глаза весело выглядывали изъ подъ толстыхъ вѣкъ, свѣтлые волосы никакъ не хотѣли лежать по указанію гребенки, но, поднявшись надъ прямымъ лбомъ, перекидывались аркой впередъ; подъ широкимъ носомъ свѣтлые усы ложились на верхнюю губу, тоже выгибомъ; изъ-за высокаго галстука, небрежно повязаннаго, выходили широкіе отложные воротнички рубашки. Взглянувъ на всю его фигуру, смѣло можно было сказать, что онъ мало заботился о ней.

— Они будутъ жить съ нами въ Полуторовскѣ, заключилъ Иванъ Матвѣичъ, входя въ комнату.

Сдавъ гостей отцу, я возвратился къ своимъ многотруднымъ занятіямъ: лавить на что ни попало и бѣгать гдѣ только можно пробѣжать.

И съ этого дня въ обществѣ нашихъ господъ, какъ они называли себя, являлись постоянно Иванъ Степанычъ и Петръ Евгеньичъ, внося въ свой кружокъ два новыхъ элемента—неистощимую веселось и православыя тенденціи.

Лагушкинъ говорилъ, что судьба и обстоятельства изъ всѣхъ ихъ выработала оригиналовъ, непохожихъ другъ на друга. Дѣйствительно, это были, что называется, всякъ молодецъ на свой образецъ. Общее между ними было жажда свѣта, правды, честности и ненависть ко всему низкому, безчестному.

Солнце да лѣто, лѣто да солнце, да свѣтлыя картины могутъ и прискучить, а потому, для разнообразія, я хочу перейти къ осеннимъ воспоминаніямъ.

Хороша и осень, господа! Право хороша, когда человѣку лѣтъ девять, десять. Темная зелень лѣсовъ подернулась и золотомъ, и пурпуромъ. Галки, обитатели Карнаушинской рощи, размножились въ десять разъ. Но коснувшись Карнаушинскихъ галокъ, я всегда вспоминаю Ваню Бурлакова, которому крикъ этихъ пернатыхъ напоминаетъ завѣтную мечту о его хатѣ. Гдѣ-то онъ теперь? пристроилъ-ли горницу вплоть до морковной гряды? Покоится-ли мать его на печкѣ? Все это я могу сообщить, и пусть это будетъ предисловіемъ къ осеннимъ картинамъ. Вернемся же назадъ слишкомъ за годъ, къ тому утру, въ которое Иванъ имѣлъ намѣреніе удивить своимъ трудолюбіемъ хозяина и когда, напротивъ, хозяинъ удивилъ Ивана.

Вѣсть о смерти Кабаньскаго, съ быстротой электрической искры, пробѣжала по всѣмъ полуторовскимъ закоулкамъ, поразила всѣхъ и всѣмъ дала пищу для разговоровъ. Въ маленькомъ городкѣ такое событіе не шутка! И всѣ занялись имъ, оставивъ въ сторонѣ обыденныя дразги. Если прежде шумѣли по недѣлямъ о какомъ-нибудь крупномъ проигрышѣ одного милостиваго государя другому не менѣе милостивому государю, то понятно, что такой случай могъ раскатать языки на цѣлый мѣсяцъ.

Отъ общаго событія переходили мало по малу къ частнымъ деталямъ, ускользнувшимъ отъ вниманія. По-

жалѣли повара, лишившагося такого барина, и, въ день смерти Кабаньскаго, обиженнаго осмоленіемъ воротъ (провинціальный манеръ, карающій слабую половину человѣческаго рода за отступленіе отъ строгой супружеской нравственности). Поговорили и объ этомъ, пожалѣли, посмѣялись и снова перешли къ своему обычному прозябанію.

Всколыхнувшаяся стоячая лужа, Полуторовская жизнь, снова стала принимать свой прежній блестящій тухло-зелено-спокойный видъ и на ея поверхности снова стали всплывать и лопаться маленькіе пузырьки туземнаго горя и мѣстныхъ непріятностей. И проигравшійся господинъ снова рассказывалъ свое горе и пользовался общественнымъ сочувствіемъ; а выигравшій—свою радость и пользовался общественнымъ сорадованіемъ. Въ общемъ, значить, было все по прежнему, но въ частностяхъ, для нѣкоторыхъ лицъ, были горькія послѣдствія.

Недремлющее правосудіе взялось открыть убійцъ. На помощь къ правосудію полуторовскому прибыло недремлющее-же правосудіе губернскаго въ образѣ жандармскаго чиновника.

И принялись за открытіе. Для этой цѣли взялись прежде всего за Ивана и мать его. Начался самый хитроумный допросъ. Но она, увы! ничего не знаютъ: кухня отъ дому далеко, я-де кучеръ Иванъ, вѣроисповѣданія православнаго, у исповѣди и причастія бывающій, цѣлый тотъ вечеръ косилъ овесъ за садомъ, усталъ и крѣпко спалъ.

— Гм. Какая невинность, крѣпко спалъ!.. Разска-
зывай!.. Да мы откроемъ, говорятъ хорошіе слѣдователи.

И начали открывать истину. Если у васъ не ка-
наты вмѣсто нервъ, то не ходите никогда мимо того
мѣста, гдѣ открывается истина; а если вамъ ужъ нельзя
миновать его, то спѣшите пройти въ то время, когда
тамъ происходятъ одни только увѣщанія, то-есть
грубая брань и пощечины. Спѣшите же пройти, а то
еще минута—и раздадутся вопли, такіе вопли, что они,
минуя ваши уши, какъ острая пила скользнуть по
вашему сердцу и на десятки лѣтъ останутся въ вашей
памяти; бѣгите скорѣе, а то сейчасъ слѣдователи спро-
сятъ водки съ солью, польютъ истерзанное розгами
тѣло допрашиваемого, и начнутся новыя изтязанія.

Не знаю, всегда-ли такъ, какъ въ то время откры-
валась истина, знаю только, что съ Иваномъ посту-
пили такъ. И крики, способные портить аппетитъ, не
портятъ его у слѣдователя. Я видалъ, какъ они послѣ
допросовъ славно завтракаютъ.

— Ну, что, признается? интересуются туземныя
аристократы, увиваясь около губернскаго правосудія.

— Нѣтъ еще, но признается утѣшаетъ ихъ прѣва-
жій, заливая только-что проглоченный имъ жирный
кусочъ мяса отличной наливкой.

Не ошиблись слѣдователи, и скоро могли утѣшить
интересующихся общественными дѣлами дамъ, что
мальчишка Иванъ признался и указалъ сообщниковъ,
двухъ братьевъ, крестьянъ изъ Карнаушки. Они ходили
къ Кабаньскому и прежде, были и наканунѣ смерти;

рубилъ младшій братъ, а онъ, Иванъ, держалъ за ноги. Мать его ничего не знала. Принялись за указанныхъ.

Всѣ же прочіе могли спокойно забыть это событіе и жить по прежнему. По прежнему были вечеринки у властей, по прежнему въ праздничные дни собирались подгородные крестьяне на базарной площади, по прежнему безносый цѣловальникъ, но теперь уже принявшій крещеніе, бралъ, дань съ жаждущихъ.

Но въ одинъ праздничный день въ этомъ народномъ клубѣ произошла шумная сцена, имѣвшая вліяніе на судьбу нашего знакома. Окончательно разпухшій отъ пьянства, Антонъ съ серьгой, столкнулся съ знакомымъ мрачнымъ мужикомъ, котораго онъ такъ дружески когда то поштовалъ на мірскія деньги, полученные имъ за объясненіе свойствъ Лягушкинскаго столба. Началась попойка; послѣ денегъ были предложены въ закладъ зеленныя кучерскія рукавицы—и въ то время, какъ онѣ готовились перейти изъ рукъ мрачнаго мужика въ куцу гостепріимнаго хозяина, кто-то возвысилъ голосъ и заявилъ, что рукавицы-то знакомыя—покойнаго Кабаньскаго.

Народу было много; струхнувшій хозяинъ послалъ за полиціей. Рукавицы дѣйствительно оказались принадлежащими Кабаньскому, и ими отворили дверь истины. Отворили и удивились, узнавъ, что два пріятеля были дѣятелями кровавой драмы, главнымъ участникомъ и руководителемъ которой былъ поваръ Кабаньскаго. А Иванъ и два брата крестьянина были ни въ чемъ не повинны.

Вотъ вамъ и еще примѣръ, что рано или поздно, а порокъ будетъ наказанъ, добродѣтель же восторжествуетъ. Жаль только, что у Ивана не достало энергіи подождать этой торжественной минуты, и въ припадкѣ малодушія сочинить цѣлую исторію, да такъ сочинить, что даже проникательное правосудіе не могло усумниться въ ея истинности.

И въ день, когда этому лгунишкѣ исполнилось совершеннолѣтіе, садъ Кабаньскаго огласился воплями. Наказывали убійцъ. Наказать ихъ противъ мѣста ихъ преступленія, противъ дома, изъ уваженія къ нашему отцу, не рѣшились. Въ числѣ убійцъ, за ложный оговоръ неповинныхъ лицъ, наказали и Ивана.

Любители кровавыхъ церемоній, облѣпившіе нашъ заборъ, липы и черемухи, рассказывали, что надъ Иваномъ особенно потѣшился ни кѣмъ не задобренный палачъ. Замертво увезли его въ больницу, а потомъ сослали на заводы. Изъ этой главы вы видите, что не исполнилась мечта Ивана,—не выстроилъ онъ своей матери горницу. Что случилось съ ней—не знаю; если пережила его совершеннолѣтіе, то попелась, пожалуй, за сыномъ въ каторгу. Были слухи, будто она съ ума сошла. Но навѣрное этого я не знаю, а чего не знаю, о томъ и говорить не хочу на страницахъ этого правдиваго разсказа.

ГЛАВА XII.

Осеннія картины.

Широкія дѣвственныя улицы Полуторовска превратились въ грязь и лужи. Долго собирались синія тучи надъ городомъ. Собрались, постояли, посмотрѣли на него, выждали удобную минуту, попробовали пустить нѣсколько крупныхъ капель въ носъ прохожему пѣсцу, на хвостъ ударившагося бѣжать пѣтуха, и вышло хорошо и эффектно, ну и зачастили, забарабанили почему ни попало.

Съ особенной ревностію и усердіемъ барабанилъ дождь въ освѣщенныя окна угловой комнаты Ивана Степаныча Гущина. Впрочемъ, съ мокрой и грязной улицы эта комната съ каминомъ и съ мягкимъ диваномъ казалась очень и очень привлекательною. Тутъ находился весь кружокъ въ сборѣ.

Свѣтлѣе и свѣтлѣе разгораются березовые дрова въ каминѣ, спиной къ которому стоятъ, покачиваясь на каблукахъ, Удольскій, и тихо, но энергически возражаетъ горячащемуся Лягушкину. Дѣло идетъ объ обрядностяхъ. Въ углу, на диванѣ, съ газетою въ рукахъ сидитъ Иванъ Матвѣичъ; въ заднихъ комнатахъ слышится голосъ хо-

зяина Гущина, дѣлающаго распоряженія насчетъ са-
мовара. Оттуда-же доносится колыбельная пѣсенка.
Вильгельмъ Карлычъ, по обыкновенію, молча измѣряетъ
шагами комнату.

Свѣтлѣ и свѣтлѣ разгорается каминъ, заставляя ко-
лыхаться тѣнь невозмутимаго Удольскаго. Съ большимъ
остервененіемъ рвется въ окна непогода. Горячѣ дѣ-
лается споръ у камина.

Мурашевъ опускаетъ руку съ газетой и, смотря на
Удольскаго, начинаетъ иронически моргать и глазомъ
и ушами.

— Не говори ты мнѣ этого! кричитъ Лягушкинъ,
подступая къ Удольскому, который по прежнему хладно-
кровно покачивается на каблукахъ и, смотря вверхъ,
возражаетъ.

— А я тебѣ ужъ сказалъ и опять говорю, что если
есть іерархія въ чинахъ ангельскихъ, то...

— Господи, Боже мой, что это за человѣкъ, что
это за человѣкъ! разводитъ руками Лягушкинъ, повер-
тываясь къ Мурашеву, но не получивъ отъ него от-
вѣта, обращается опять къ Удольскому и поднимаетъ
руку съ маленькимъ чубукомъ.

— Еще слово скажи... одно только слово... я тебя
вотъ чубукомъ!.. право ударю!..

— Ну, что-же ты возьмешь этимъ? произноситъ
явившійся при послѣднихъ словахъ Гущинъ:—онъ при-
метъ мученическій вѣнецъ, а ты—съ носомъ!

Всѣ засмѣялись.

— Нѣтъ, вѣдь я уважаю убѣжденіе cadaго, а

преклоняюсь также и передъ убѣжденіями Ильи Яковлевича. Но вѣдь это Богъ знаетъ что, вѣдь онъ городить ужь совсѣмъ...

— Несуразное, перебиваетъ снова Гущинъ,—какъ говорить мой Прохоръ. Несуразное, молъ, это дѣло, что приказать мнѣ изволили.

Тѣмъ споръ и кончился. Въ передней хлопнула дверь и зазвонилъ колокольчикъ. Дамамъ явиться было еще рано, а потому всѣ подвинулись къ передней. Тамъ стоялъ и молился въ передній уголъ промокшій насквозь крестьянинъ, по его словамъ, пришедшій къ его высокоблагородію съ просьбицей насчетъ своего дѣлишка. И началъ онъ безыскусственнымъ слогомъ Иліады повѣствовать о своихъ горькихъ похожденияхъ по судебнымъ мытарствамъ. Изъ-за каждой фразы монотоннаго и нескладнаго разсказа такъ и выглядывали призраки—неуваженія къ личности, кулачной расправы, взятокъ, незаконности, словомъ всѣхъ атрибутовъ тогдашней земской власти.

— Что-же я то могу сдѣлать? спросилъ Гущинъ.

— Да я ужь не знаю, сдѣлай что можешь, сдѣлай божескую милость, а идти болѣе не къ кому,—безнадежно произнесъ мужикъ.

Сдѣлавъ ему нѣсколько вопросовъ и давъ слово похлопотать за него гдѣ можно, Гущинъ возвратился къ компаніи, сидѣвшей молча подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ крестьянскаго разсказа.

Предпославъ обычное «охъ-хо-хо», Мурашевъ разразился громами. Лягушкинъ продолжалъ молчать, только

щипцы, которыми онъ хотѣлъ достать изъ камина уголь для трубки, дрожали и горячій красный уголекъ выскакивалъ и отбѣгалъ отъ нихъ, весело мигая и, очевидно, забавляясь неловкостію злобно щелкавшими щипцовъ. Удольскій выдыхалъ, переносилъ свои глаза отъ небольшого образка въ углу на потолокъ. Хозяинъ, разрядившись двумя-тремя, пропавшими даромъ, каламбурами, закурилъ трубку, сѣлъ къ письменному столу и принялся за письмо.

Всѣмъ сдѣлалось легче, потому что всѣ знали, что въ письмѣ излагается дѣло только-что ушедшаго крестьянина,—излагается въ такой формѣ, про которую всего справедливѣе можно сказать, что сквозь видимый смѣхъ блестятъ незримыя слезы. Всѣ знали, что письмо Гущина къ губернскимъ друзьямъ есть уже половина дѣла.

Знали это полуторовцы, и вскорѣ послѣ его прибытія въ этотъ городъ, все оскорбленное и униженное, охающее и негодующее начало стекаться къ нему какъ къ адвокату. Увѣрившись, что дѣло, о которомъ его просятъ, законное или гуманное, Гущинъ брался за перо, и письмо за письмомъ летѣли, какъ бомбы; и въ концѣ концовъ онъ поздравлялъ себя съ побѣдой.

Особенно трудно было выхлопотать ему дѣло Ульяны Ѳедоровны. Ульяна Ѳедоровна была старая дѣвица, замѣчательная своимъ безобразіемъ, хлопотала она о пенсіи и нѣсколько разъ получала отказъ. Гущинъ, въ концѣ всѣхъ своихъ безуспѣшныхъ посланій, убѣдилъ ее ѣхать самое въ губернскій городъ и лично разнести

его письма. «Сжальтесь, писалъ онъ, надо мной, я такъ былъ увѣренъ въ томъ, что вы употребите всѣ силы, чтобы выиграть законное дѣло этой дѣвицы, что далъ слово, въ случаѣ неудачи, жениться на ней для ея прокормленія. Вглянитесь на нее, ужаснитесь и спасите вашего друга!»

Друзья ужаснулись, и дѣло Ульяна Федоровна выиграла.

Такъ дѣлалъ онъ всю свою жизнь. Мнѣ случилось встрѣтить человѣка, съ восторгомъ рассказывавшаго, какъ онъ, зная Гущина только по слухамъ, обратился къ нему письменно, прося похлопотать о дѣлѣ, и вскорѣ получилъ отвѣтъ, писанный уже постороннимъ человѣкомъ подѣ диктовку Гущина, въ которомъ онъ увѣдомляетъ, что по письму его сдѣлано все возможное. Письмо это писано наканунѣ смерти Гущина.

Но возвращаюсь снова къ разсказу.

Всѣмъ сдѣлалось покойнѣе; одинъ только Шпильгаузенъ былъ неизмѣненъ: онъ флегматически сидѣлъ въ креслахъ, курилъ трубку и безучастно смотрѣлъ въ пространство.

Въ сосѣдней комнатѣ кипѣлъ на столѣ свѣтлый самоваръ, принесенный молодой, невзрачной, съ большими зубами, горничной. Иванъ Матвѣичъ отправился туда распорядиться чаемъ, за нимъ двинулись Лягушкинъ и Удольскій, а немного погодя и Вильгельмъ Карлычъ рѣшился подняться со стула. Поднялся, подошелъ къ камину, выбилъ трубку, снова набилъ ее, не торопясь

раскурилъ и, не торопясь, оставилъ Гущина одного за своимъ письмомъ.

Но письмо кончено, дождь пересталъ, халать Гущина смѣненъ сюртукомъ и около чайнаго стола хлопочетъ Мурашева, угощая чаемъ Кандальцеву и Калашину, приставшую къ этому кружку изъ противоположнаго лагеря; у камина снова споръ, а въ противоположномъ углу дома—дѣтскій смѣхъ, и говоръ, и игры. Тутъ Женни, два ея брата и огромная семья Калашиныхъ. Намъ такъ весело, а между тѣмъ не прошло и полчася, какъ ужъ несносный Иванъ Матвѣичъ говорить, что пора домой.

— Ну, Гриша! ты съ нами, мы тебя довеземъ. И щекотить онъ Гришу, приговаривая: Гри-шутка ты эдакой, я буду звать тебя Гри-шуткой. Его такъ Илья Яковличъ зоветъ, поясняетъ онъ юной компаніи, какъ-то тихо слоняющейся по комнатѣ съ цѣлю отыскать кто свой платокъ, кто фуражку. Черезъ часъ въ квартирѣ двухъ пріятелей, Гущина и Удольскаго, водворились мракъ и тишина, по временамъ нарушаемая плачемъ маленькой дѣвочки, похожей на Гущина: у ней рѣзались зубки.

ГЛАВА XIII.

Маленькая буря, воздвигнутая невозмутимымъ.

Не знаю, съумѣлъ-ли я представить вашему вниманію, въ настоящемъ свѣтѣ, двухъ новоприбывшихъ друзей, любившихъ другъ друга, не смотря на то, что между ними не было ни одной сходной черты въ характерахъ. Эпикуреецъ Гуцинъ и православный до фанатизма Удольскій все-таки были друзьями—жили вмѣстѣ мирно и тихо.

Но осень ли, или просто, какъ полагалъ Гуцинъ, исконный врагъ нашъ—дьяволъ (пожалуй, что послѣднее будетъ вѣроятнѣе) началъ въ располхъ на нравственность князя Удольскаго,—только онъ набѣдокурилъ съ своей горничной, неказистой и длиннозубой Августой. Въ высшей степени религіозная натура Удольскаго отнеслась къ своему проступку очень серьезно, и онъ порѣшилъ загладить грѣхъ свой бракомъ. Проще и естественнѣе ничего и быть не могло. Его тревожила только мысль, какъ отнесутся къ этому его родственники, князья и княгини. Противодѣйствія же со стороны полупетровскихъ друзей онъ не ожидалъ, и поспѣшилъ покаяться имъ и объявить свое намѣреніе.

Это объявленіе было бомбой, упавшей посреди мирнаго кружка. На Удольскаго посыпались сначала увѣщанія, потомъ совѣты и сожалѣнія, и изъ мирнаго и дружественнаго тона мало по малу переходили къ болѣе сильнымъ и рѣзкимъ фразамъ. Но Удольскій былъ непоколебимъ въ своемъ рѣшеніи.

— Братъ твоей невѣсты, кричалъ Иванъ Матвѣичъ:—служилъ у меня въ кучерахъ, прогнанъ мной какъ воръ и пьяница! Каково будетъ тебѣ постоянно слышать, что онъ въ полиціи.

— Я женюсь не на братѣ, возражаетъ Удольскій, своимъ хладнокровіемъ приводя Мурашева въ ярость.

— Твоя невѣста глупая, необразованная, некрасивая дѣвка!

— Все это не даетъ мнѣ права губить ее.

— Она дѣвка сомнительнаго поведенія.

— Это ужъ мое дѣло, и мнѣ лучше знать.

Ярость нападающихъ равнялась только стойкости бомбардируемаго Удольскаго. И у друзей опустились руки. Оставалась одна надежда: заручиться помощію Ильи Яковлевича, имѣвшаго нравственное вліяніе на Удольскаго. Но, увы, и эта надежда разлетѣлась прахомъ. Мягкій и уступчивый Илья Яковлевичъ на этотъ разъ оказался твердымъ и объявилъ на отрѣзъ, что рѣшеніе Удольскаго онъ одобряетъ и отсовѣтывать ему не намѣренъ.

Миръ и тишина въ маленькомъ мірѣ нарушились, и нарушились не отъ внѣшнихъ враговъ, къ чему онъ

уже привыкъ и не обращалъ большого вниманія, а произопла недуманная междуусобная брань.

Два друга разстались. Удольскій переехалъ на особую, отъ Гущина, квартиру; горничной Гутѣ тоже была нанята особенная. И появленіе Удольскаго въ кругу друзей сдѣлалось тяжелымъ и для него, и для нихъ. Какъ не избѣгали рѣчи о предстоящемъ бракѣ, но она нѣтъ да и прорвется. Удольскій согласился на одно: отложить на время свадьбу, испытать себя. И заперся дома.

— Испытаніе на себя наложилъ! Охъ-хо-хо! говорить Мурашевъ.

— Испытаніе? замѣчаетъ Гущинъ:—я знаю, что значить это испытаніе. Можете себѣ представить святую фигуру Удольскаго, перелѣзающую черезъ заборъ къ Августѣ Самойловнѣ! Могу васъ увѣрить, зрѣлище назидательное! Не правда ли? обращается онъ за подтвержденіемъ своихъ словъ къ нашей дѣвской кучкѣ. Мы смотримъ на него очень большими глазами, соображая въ чемъ дѣло.

— А вы какого мнѣнія, Василиса Александровна? приступаетъ онъ къ Кандальцевой:—дѣти не хотятъ высказать свое прежде старшихъ. Какого-же вы мнѣнія, старѣйшая межъ нами? Кандальцева конфузится какъ дѣвочка, что доставляетъ сильное удовольствіе Гущину.—Можетъ быть вы мнѣ хотите возразить на это извѣстнымъ случаемъ съ однимъ извѣстнымъ философомъ?

— Какимъ еще случаемъ? съ какимъ философомъ?

— А это, видите, одинъ философъ,—имя его я умал-

чиваю изъ скромности, хоть вы и заподозрите, что я забылъ это имя. И такъ одинъ философъ встрѣтилъ господина, выходящаго изъ одного дома, въ которомъ онъ, могу васъ увѣрить, провелъ очень весело время, не смотря на то, что домъ этотъ былъ... былъ... ну, нехорошей репутаціи, и когда этотъ господинъ, замѣтивъ знакомаго философа, — знакомство съ философіей, какъ видите, не мѣшаетъ посѣщать подобные дома! — закрылся и хотѣлъ проскользнуть мимо, но сей много-мудрый мужъ сказалъ ему: не стыдись выходить, а стыдись входить. Серьезно! такъ и сказалъ. Да вотъ Гриша это знаетъ; онъ увѣритъ васъ, что я это не сочинилъ. Онъ вамъ даже и имена этихъ особъ скажетъ.

Я сконфузился не менѣе Кандальцевой, потому что именъ этихъ особъ я не зналъ, а признаться въ своемъ невѣдѣніи не хотѣлось.

— Своимъ согласіемъ Илья Яковлевичъ даетъ сумасшедшему ножъ въ руки, замѣтилъ Мурашевъ.

Воспользовавшись его замѣчаніемъ, отвлѣкшимъ отъ меня общее вниманіе, я ускользнулъ къ дѣтямъ, оставивъ взрослую публику интересоваться дѣломъ Удольскаго.

Но увы! въ нашей компаніи тоже тихо. Нашъ коноводъ, Женни, ужасно скандализирована желаніемъ Удольскаго жениться. Она рѣшилась не быть любезной хозяйкой, а разыграть роль большой дамы, на знакомство съ которой, Богъ вѣсть какимъ образомъ, навязывается какая-то Августа Самойловна, которая еще недавно, а именно съ мѣсяцъ тому назадъ, поправляла ей юбочку и сопутствовала ей въ особенную комнату

съ дѣтскимъ стуликомъ особеннаго устройства, назначеннымъ для особеннаго употребленія.

Такое настроеніе Женни имѣло вліяніе на всѣхъ ея гостей.

— Какой-же, право, скучный этотъ Удольскій! Изъ-за него никто играть не хочетъ? Мнѣ почему-то вдругъ показалось, что чуть-ли и я не виноватъ въ этомъ дѣлѣ. И я старался уяснить себѣ вопросъ: какой именно ножъ и зачѣмъ мой отецъ далъ Удольскому?... Оказывается, что это не отецъ, а я даю ему тяжелый, претяжелый ножъ и хочу поднять только руку... какъ около меня раздается дѣтскій хохоть.

— Смотрите, смотрите! Гриппа заснулъ!

А я дѣйствительно вздремнулъ со скуки.

Но когда были испробованы всѣ средства, когда рѣшимость Удольскаго устояла даже отъ мнимаго остракизма изъ круга друзей, тогда эти послѣдніе снова открыли ему объятія и дали ему слово принять въ свой кругъ будущую его супругу и общими силами помогать ему сдѣлать изъ нее приличную и добрую жену.

— Ну, Гришутка, вставай и пей поскорѣе чай, я ѣду въ церковь, такъ по пути и тебя отвезу, сказалъ мнѣ отецъ въ одно раннее зимнее утро, входя со свѣчей въ комнату, гдѣ полъ былъ уложенъ нами ребятишками. Больно не хотѣлось выползать изъ-подъ шубы на морозный свѣтъ Божій, но дѣлать было нечего, всталъ.

Было еще очень рано и школа была на замкѣ, а потому я и отправился за отцемъ въ церковь. Тамъ былъ уже Евгеній Флегонтычъ. При нашемъ входѣ онъ подошелъ подѣ благословеніе къ отцу, потомъ отправился къ иконостасу, сдулъ пыль съ наоя и даже обмахнулъ его длинной полой своего сюртука, и, стуча крѣпкими своими сапогами по чугунному полу, понесъ его на средину церкви.

Тишина и сумракъ церкви сильно клонили меня ко сну, и я, примкнувшись въ уголь клироса, начиналъ было вспоминать пеструю гирлянду сновидѣній, прерванную, часъ тому назадъ, моимъ отцомъ, какъ тяжелыя церковныя двери отворились, раздались шаги, глухо отдающіеся подѣ сводами алтаря. Возратясь къ дѣйствительности, я обратилъ свое вниманіе на вошедшихъ. Впереди, сбросивъ съ себя у печки при входѣ шубу, шелъ длинный молодой человѣкъ съ образомъ и вѣнчальными свѣчами, за нимъ рядомъ Удольскій и Августа Самойловна, а потомъ человѣка два незнакомыхъ. За вошедшими дверь заперлась на крючекъ, и началась послѣдняя глава изъ романа Удольскаго.

Таинственно и сдержанно базиль нашъ Евгеній Флегонтовичъ, стараясь искося разсмотрѣть подножіе, на которомъ стояли женихъ съ невѣстой. Усердно и учащенно молился Удольскій, а за нимъ и Августа Самойловна. Съ чувствомъ читалъ молитвы мой отецъ.¹⁰ Все это было не похоже на другія свадьбы, все было какъ-то таинственно и спутывалось въ моей головѣ съ прерванными сонными грезами. Будь я въ то время знакомъ

съ романами, я остался бы очень доволенъ этимъ зрѣлищемъ. Я бы представилъ Удольскаго рыцаремъ, похитившимъ свою невѣсту и, тайно отъ жестокихъ родителей, вступающаго въ законный бракъ, а добродушную, лысую фигуру старика сторожа, выглядывающаго изъ-за печки, представилъ бы злымъ колдуномъ, нетерпѣливо ждущимъ окончанія церемоніи, чтобы похитить молодую красавицу. Въ дѣйствительности же онъ ждалъ только окончанія, чтобы прибрать все къ мѣсту и идти въ свою жарко натопленную пещеру.

Обрядъ кончился. Отецъ и Удольскій крѣпко обнялись и поцѣловались. Длинный молодой человѣкъ важно подошелъ къ иконостасу, поскрипывая новыми сапогами, взялъ икону, отобравъ у молодыхъ свѣчи и завернувшись въ шубу, отправился изъ церкви, открывая брачное шествіе. Отецъ, снявъ ризы, также пошелъ къ Удольскому.

— Когда мы тебя, старый, повѣнчаемъ, говоритъ Евгений Флегонтовичъ трапезнику, свертывая шелковое подножіе молодыхъ—свой будущій праздничный жилетъ.

— Ну тебя совсѣмъ! отвѣчаетъ тотъ. — Идите лучше къ школьникамъ-то.

И идемъ мы къ школьникамъ. Съ кафедры монотонно, нѣсколько въ носъ, раздается команда Евгения Флегонтовича:

— Руки на столъ!.. чистите доски!

Начинается всеобщее движеніе. И тотъ-же монотонный голосъ продолжаетъ:

— Старшіе осмотрите!

По прежнему старшіе осматриваютъ вычищенные доски, по прежнему течетъ жизнь въ школѣ и внѣ ея, только для Удольскаго и Августы Самойловны наступаетъ новая жизнь.

ГЛАВА XIV.

Послѣдняя зима въ дѣтствѣ.

Зная очень хорошо, что наступившая зима—последняя, которую придется провести мнѣ подъ родительскимъ кровомъ, и что лѣтомъ отвезутъ меня въ губернский городъ, гдѣ я буду глотать уже настоящую мудрость, въ настоящемъ патентованномъ заведеніи,—я мудро распоряжаюсь своимъ временемъ и жадно извлекаю изъ природы всѣ блага, какія только она дать въ состояніи. Дѣлаю дома изъ обильно падающаго снѣга, прорываю галлерей, отчего получаю насморкъ и кашель, зноблю себя носъ и уши—такъ, что едва снѣгомъ да спиртомъ ототрешь. Нашъ Петръ, должно быть, прибѣгалъ къ такому-же способу согрѣванія, ибо отъ него стало пахнуть спиртомъ.

— Зноблюсь, говоритъ онъ, слушая выговоры матери,—зноблюсь, лицо оттираю, оттого и спиртомъ пахнетъ. Вонъ птица и та на лету мерзнетъ, а у лошадей отъ морозу—то кровь изъ носу идетъ...

Тоже говаривалъ Петръ и нашей бабушкѣ, приходившей иногда въ кухню отогрѣть свои старыя кости. Послѣ этого онъ рассказывалъ, какъ онъ, Петръ, четырнадцати-

лѣтнимъ мальчуганомъ, убѣжалъ отъ матери да потомъ и не смѣлъ уже воротиться. Тутъ-же кстати добрые люди подвернулись, да и сговорили его идти съ ними, — и пошелъ онъ по широкому міру Божію, скитаясь гдѣ день, гдѣ ночь. И чего только онъ не навидался! А потомъ Богъ привелъ его двадцати лѣтъ въ цѣпяхъ по-пасть въ Сибирь, да потомъ и къ намъ наняться.

Слышится намъ его бесѣда съ бабушкой чрезъ дощатую перегородку, отдѣляющую кухню отъ комнаты съ лежанкой, которую отецъ шутя называетъ лабораторіей. Тутъ у затопленной лежанки сидитъ отецъ и варить составъ для золоченія. Восемилѣтняя сестра съ маленькимъ братомъ усердно готовятъ изъ толчонаго, съ разными снадобьями угля, курушки. Я у стола, около гальванической батареи, устроенной для отца Лягушкинымъ, промываю серебращіеся церковные ковшечки.

Не остается въ долгу и бабушка. Выслушавъ рассказъ о походе Петра, она начинаетъ повѣствовать ему, что Китай есть земля, гдѣ чай растетъ, а въ Китаѣ есть городъ Кяхта, въ который ѣздили ея покойничекъ и откуда разныхъ диковинъ понавесть... давно это было: еще до большого пожара...

И долго повѣствуетъ бабушка. Прислушиваясь къ ея нехитрому рассказу, такъ и кажется, что видишь все это передъ собой.

Въ это время скрипнула дверь и въ морозномъ облакѣ показалась темная фигура Дмитрія Ивановича, въ своей острой шапкѣ и въ шубѣ съ крылышками.

— А, вотъ они всѣ за работой! Здравствуйте! говорить Лягушкинъ, освобождая усы отъ длинныхъ ледяныхъ сосулекъ. Поздоровавшись съ отцомъ, онъ подошелъ къ батарее, попробовалъ на языкъ проводники и посоветовалъ уменьшить силу батареи, потомъ показалъ какъ держать воронилъ, чтобы удобнѣе полировать выпуклыя мѣста; затѣмъ, пододвинувъ низенькую скамеечку, сѣлъ рядомъ съ отцомъ передъ печью.

— Ну, мы съ вами теперь настоящіе колдуны... снадобья варимъ... А морозъ сегодня добрый!

— Я не ожидалъ васъ!

— Рѣшился было не выходить сегодня, да не утерпѣлъ... вспомнилъ, что около васъ домъ пустой...

— И заговорило ретивое! разсмѣялся отецъ:—не смотря на морозъ побѣжали, чтобы не упустить квартиру для школы.

— Да, и нанялъ очень дешево. Съ завтрашняго дня начнемъ кой-какія передѣлки да поправки; а недѣли черезъ двѣ у нашей мужской школы будетъ сестрица—женская школа.

— Успѣемъ-ли такъ скоро?

— Да отчего-же: столы и полукружія почти готовы, таблицы тоже можно взять у нашего первенца... Наши дамы торопятъ,—просятъ труда и работы. Пусть-же и ведутъ эту школу, а мы теперь будемъ только архитекторы да руководители.

И они принялись толковать подробно о своей новой школѣ.

А изъ-за сосѣдней стѣны слышится разсказъ бабушки о добромъ старомъ времени.

— Вотъ хоть насчетъ прислуги: калмычки на почемъ были; мой покойникъ за мѣшокъ муки купилъ, и такія работяція и преданныя были!.. Спились только потомъ.

— А ничего вы не имѣете противъ того, говорить Лягушкинъ:—что съ дѣвочками мы помѣстимъ учиться нѣсколько мальчиковъ... вотъ хоть Калашиныхъ?

— Разумѣется, ничего.

— Дѣло пойдетъ... опытъ насъ умудрилъ... Теперь мы ужъ не поддадимся: будемъ мудры какъ змѣи.

— И постараемся быть честными какъ голуби.

— Само собой разумѣется: змѣиная мудрость безъ голубиной чистоты не практична. Съ одной мудростію нашу школу прихлопнуть черезъ недѣлю—а съ одной голубиной чистотой вечего и затѣвать ее. Да, будемъ мудры какъ змѣи и чисты какъ голуби.

— Аминь, сказалъ отецъ.
